

ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ

самая
неожиданная
развязка
в истории кино
и литературы

СОРОК ТРЕТИЙ НОМЕР...

ЛИДЕР ТЕЛЕВИЗИОННОГО
РЕЙТИНГА!

Дмитрий Герасимов

Сорок третий номер...

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019006

Сорок третий номер.../Дмитрий Герасимов: АСТ, Астрель; Москва;

2011

ISBN 978-5-17-071412-4, 978-5-271-32430-7

Аннотация

С какого-то момента известную журналистку Киру Голоту начинают преследовать страшные, фантаσμαгорические события, которым она не может найти объяснения. В их городе, в кинотеатре рядом с домом Киры демонстрируется фильм со странным названием «Сорок третий номер...» Со слов очевидцев, героиня этого фильма якобы сходит с экрана и убивает реальных людей – зрителей, которые попали в кинотеатр. Главный редактор газеты, в которой работает Кира, предлагает ей провести журналистское расследование этих происшествий. Кира берется за дело.

Она ещё не знает: чтобы докопаться до истины, нужно вернуться на 25 лет назад. Все началось тогда, в восьмидесятых, с истории одного смертника...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	47
Глава третья	69
Глава четвертая	107
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дмитрий Герасимов

Сорок третий номер...

© Герасимов Д.Г., 2010

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

В тот самый момент, когда башенные часы на площади Гагарина гулко стукнули один раз, оповещая тех, кто не спит, что в городе – час ночи, на другом конце Петрозаводска тревожно мигнула неоновая вывеска кинотеатра «Каскад». В трубках, равнодушно льющих холодный свет, что-то треснуло, и на фасаде погасли сразу четыре буквы. Ночной ветер, пробравшийся сюда с Онежского озера, взметнул с тротуара обрывки газет и грязную алую ленту, которой, вероятно, опоясывали траурный венок. Кровавой змеей она мелькнула в воздухе, прочертила мгновенную кривую над крышей здания и медленно опустилась на горящие в темноте неоновые буквы – «Кинотеатр «АД».

Через двадцать минут закончился последний сеанс, распахнулась массивная деревянная дверь, и на улицу, негромко переговариваясь, потекли поздние зрители. Их было немного. Кто-то поспешил к припаркованным рядом авто, кто-то бросился ловить голодные, шныряющие такси, а кто-то двинулся пешком по еще не остывшим от дневного тепла улицам.

Алексей Рыбаков, лысеющий мужчина лет тридцати с тусклыми, слегка выпученными глазами, и его молодая подруга, рыжеволосая девушка с короткой стрижкой, в красной аляповатой блузке, никуда не спешили. Он рассудил ре-

зонно: если жена с сыном захотели неожиданно вернуться из отпуска, то они уже дома. И в этом случае, почему бы лишние полчаса не прогуляться с очаровательной Раечкой по ночным аллеям парка. Если же горизонт чист и квартира пуста, то у них с Райсой еще и вся ночь впереди – жаркая, страстная, сладкая.

Свернув за угол здания, они неспешно миновали дворик с уснувшими детскими качелями, перешли совершенно пустую дорогу, нарочито весело дождавшись зеленого сигнала светофора, и двинулись в глубь небольшого сквера, освещенного единственным прожектором, установленным на крыше кинотеатра.

– Между нами говоря, фильм дурацкий, – хохотнул Рыбаков. – Навертели чего-то, накрутили. Остров, погоня, убийство, тюрьма... Равнобедренный четырехугольник называется квадрат! – И он обнял девушку за талию.

– Вам, математикам, виднее, – кокетливо согласилась та.

– Не математикам – физикам! – поправил Рыбаков. – Сколько раз тебе говорил: я – инженер-физик. И, между прочим, окончил институт с отличием!

– Что хрен, что редька! – беззаботно махнула рукой Райса. – Мы институтов не кончали, в квадратах слабо разбираемся. Все больше поварами работаем...

– За то и ценю. – Он чмокнул ее в щеку. – У меня жена тоже инженер. Скука скучная, доложу я тебе.

– А фильм все-таки страшноватый, Алеша, – повела пле-

чами девушка. – Жутко такое на ночь смотреть.

– Да что там страшного? – рисуясь, воскликнул тот. – Детская сказочка!

– Знаешь, – Раиса прижалась щекой к его плечу, – когда та женщина в черной накидке прошептала: «Твой номер сорок три... Смерть дышит тебе в затылок...» – у меня дыхание перехватило и мурашки побежали. Вот, смотри! – Она сунула ему локоть под нос. – До сих пор кожа гусиная.

– Это потому, что ты у меня трусиха, – снисходительно улыбнулся Рыбаков. – А на самом деле не надо принимать близко к сердцу кино. Мы, физики, народ рациональный.

Они дошли уже до середины аллеи. Проектор остался далеко позади, но еще дотягивался до них желтоватым светом. Две длинные тени, обнявшись, скользили по асфальту, по стволам деревьев, по черной, дрожащей листве.

Неожиданно где-то справа, в кустах, хрустнула ветка, зашуршала трава, и на дорожке перед ними возникла женская фигура.

Раиса вздрогнула так, что чуть не оступилась. Алексей замедлил шаг.

Невесть откуда появившаяся женщина двинулась им навстречу.

Рыбаков почувствовал неприятный холодок между лопатками. Раиса встала как вкопанная, вцепившись ледяными пальцами в его руку, и прошептала то, о чем он сам только что подумал с ужасом и растерянностью:

– Это она!..

Женщина в белом платье с черной накидкой на плечах и темными волнистыми волосами приблизилась к ним настолько близко, что они увидели дрожащий огонь безумия в ее широко раскрытых глазах. А может, это был отблеск все того же прожектора...

– Твой номер сорок три! – пронзительно зашептала она, глядя на Алексея. – Смерть дышит тебе в затылок...

– Сумасшедшая... – пролепетал тот. – Уйдите прочь!

Женщина смерила его долгим, страшным взглядом, потом развернулась и шагнула в густой кустарник, прямо в сплетение веток и черной листвы. Снова зашуршала трава, и все затихло.

– Идиотские шутки! – крикнул Рыбаков в темноту. – Морду надо бить за такое.

Раису трясло, как в ознобе.

Он решительно взял ее за руку.

– Пошли, дорогая, и ничего не бойся. Я читал в каком-то журнале, что студенты иногда так забавляются. Подкарауливают поздних прохожих и пугают их до полусмерти. Очень смешно, понимаешь.

– Какая же она студентка? – пробормотала Раиса. – Ей лет тридцать...

Дойдя до конца сквера, они перебежали через трамвайные пути, повернули за угол кирпичного трехэтажного дома

с вывеской «Интернет-кафе» и оказались на Парковой улице.

Здесь оба отдышались.

– Мы почти пришли, – сказал Рыбаков и преувеличенно бодро хохотнул: – Испугалась, глупая? Киношки насмотрелась!

– А ты? – тихо спросила девушка. – Не наложил в штаны?

– Шутишь? – он презрительно скривил губы. – Только природная интеллигентность не позволила мне сразу же дать ей по заднице! Веришь: даже не посмотрел бы, что она слабый пол!

Они свернули во двор и остановились возле второго подъезда белой девятиэтажки.

– Значит так, – напомнил Алексей. – Я быстро поднимаюсь наверх, проверяю, дома ли жена, и делаю тебе знак вон из того окошка на третьем этаже.

– Это окно твоей квартиры? – уточнила Раиса.

– Это окно на лестничной площадке, – Алексей мотнул головой. – Как же я тебе подам знак из квартиры, если там жена? Кроме того, мои окна выходят на другую сторону, на улицу.

– Хорошо, – кивнула девушка и усмехнулась: – Ну ты точно физик!

Едва за Рыбаковым закрылась дверь подъезда, Раиса боязливо огляделась.

Уснувший двор тонул в вязкой, тревожной тишине. Она

нащупала в кармане подушечку жевательной резинки и сунула ее в рот. Потом наклонилась, проверила в сумочке наличие другой резинки, успокоилась, вздохнула, подняла голову и вскрикнула. В шаге от нее стояла женщина в белом платье с черной накидкой и смотрела ей в глаза все тем же горящим, безумным взглядом.

Раиса охнула и осела на асфальт.

Женщина повернулась, бесшумно открыла дверь и быстро зашла в подъезд.

Спустя минуту или две распахнулось окно на третьем этаже.

– Алеша! – закричала Раиса, но из горла вырвался только сдавленный стон.

Рыбаков удивился, увидев из окна, что она сидит на асфальте, покачал головой и сделал знак рукой, мол, поднимайся наверх, горизонт чист. В ту же секунду что-то хлопнуло, стукнула створка рамы, и, всхлипнув, посыпалось вниз разбитое стекло. Вслед за ним, медленно и страшно отделившись от карниза, полетело большое, неестественно выгнувшееся тело Алексея Рыбакова.

Как гигантский кусок пластилина оно вцепилось в асфальт рядом с онемевшей от ужаса девушкой.

Глава первая

Карелия, Петрозаводск, июль 2000 года

– Вставай, милая... День рождения проспичь!

Кира сладко потянулась в постели. С того самого дня, как ей исполнилось двадцать, она мечтала просыпаться вот так, от поцелуя любимого, от его жаркого и сладкого шепота, от теплых и смелых рук. Она мечтала о настоящей любви и настоящей семье, как и всякая девочка – милая, романтическая, доверчивая и невинная.

И сейчас, когда ей уже двадцать шесть, когда она, можно сказать, уже пожилая женщина... ну, ладно, не пожилая – зрелая... когда в ящике стола скопилась куча исписанных ею ежегодных органайзеров (осязаемое напоминание о ворохе лет)... кстати, не мешало бы их выбросить к чертовой матери!.. когда тонкая, как перышко, земная ось, прочертив во Вселенной очередной бестолковый круг, оставила на ее прекрасном лбу вертикальную морщинку... а, ведь, действительно, оставила!.. аккуратно между бровями... про Вселенную – хорошо, надо будет записать и вставить в какой-нибудь лирический очерк... так вот, о чем, бишь?.. А! Когда очередной день рождения падает в ладошку не долгожданым детским подарком, а пожелтевшим календарным листком... тоже неплохо, надо записать... вот именно тогда у нее все это появилось! И любимый мужчина, ставший недавно

ее законным мужем, и отец, которого она ждала всю жизнь, – словом, настоящая, взаправдашняя, обожаемая семья!

Кира опять потянулась.

– Ко-оля, – капризно позвала она, – поцелуй еще...

Он склонился над ней, коснулся губами ее подбородка, щеки, легонько куснул мочку уха, провел влажным, горячим языком по шее и пощекотал в ямочке над ключицей. Кира зажмурилась, обхватила его шею руками и притянула к себе. Он, как был – в брюках, в рубашке с галстуком, – упал в ее объятия, обнял сам, провел руками вниз по спине, задрал на ней ночнушку и... шлепнул ладонью по попе:

– Это добром не кончится! Мы оба опоздаем на работу!

– А я думала, мне прямо с утра полагается подарок, – хитро улыбнулась Кира.

– Тебя ждет подарок. И не один. – Николай поцеловал ее в губы. – Просыпайся, любимая.

Он встал, поправил галстук, подмигнул жене и вышел из комнаты.

Кира еще с полминуты нежилась в постели, потом поискала ногами на полу тапочки и, не найдя, пошлепала босиком в ванную.

Пустив воду, она встала перед зеркалом, натянув на спине ночнушку, чтобы та походила на вечернее облегающее платье, потом наклонилась и внимательно рассмотрела в отражении свое лицо. Нет, она определенно была хороша даже в свои двадцать шесть! Темные волнистые волосы, чудесная

мраморная кожа, большие восхитительные глаза... ей все говорят, какие у нее красивые глаза!... тонкий нос... может быть, чуть-чуть длинноват... хотя, в общем, ничего... очень редкий контур губ... эта дура Людка из отдела писем сказала, что он похож на татуаж!... маленький подбородок... очень мило! И фигурка – хоть куда! Аппетитная, как говорит Колька. Только грудь небольшая... У Ангелины, редактора отдела новостей, пятый размер, и она этим необычайно гордится. Но пятый, все-таки, перебор. И когда Кира об этом прямо сказала Ангелине, та презрительно фыркнула: «А прыщики надо прижигать зеленкой!» Тоже дура...

Кира подмигнула своему отражению:

– С днем рождения, красавица!

Она, действительно, была недурна собой. И лицо, и фигура ей достались в наследство от матери. Портрет этой красивой женщины, сфотографированной много лет назад в светлом домотканом платье и с черной накидкой на плечах, стоит сейчас в гостиной на телевизоре. Все отмечают их поразительное сходство. Если бы не старомодное платье – вылитая Кира глядит печально со снимка!

Она тщательно почистила зубы, приняла душ, накинула, не вытираясь, на тело мягкий махровый халат и выскочила из ванной.

– Мне был обещан подарок! И не один!

В квартире было тихо.

– Эй! Все ушли, что ли? – Кира надула губки. – Вот тебе,

девушка, и... – Она зашла в гостиную и ахнула: вся комната утопала в цветах. Ее любимые алые розы стояли в вазах повсюду: на подоконнике, на столе, на полу, на полке секретера. А те букеты, которым не хватило ни графина, ни даже кастрюли, были рассыпаны на паркете наподобие ковровой дорожки, сотканной из спелых бутонов и листьев.

– Колька! – Она подпрыгнула на месте, хлопнув в ладоши. – Ты – чудо!

Он, действительно, не был похож ни на одного из знакомых ей мужчин. Невысокого роста, худощавый, с жидкими волосами, зачесанными набок с идеально ровным пробором, невыразительными и даже тусклыми глазами, Николай не притягивал к себе женские взгляды. Но стоило начать разговор, как девушки находили в нем умного, приятного собеседника, начитанного и образованного, прекрасно воспитанного человека, с прекрасными манерами и чудесной, по-детски непосредственной улыбкой.

Он появился в ее жизни ничем не примечательным февральским днем – пришел в редакцию и долго топтался перед дверью кабинета. Кира входила, выходила, правила верстку, вычитывала материал, разговаривала по телефону, а он все стоял в коридоре, застенчиво переминаясь с ноги на ногу и прижимая к груди папочку из кожаменителя.

Наконец она не выдержала:

– Вы ко мне?

Он испуганно помотал головой, мол, нет, я по другому делу, а потом виновато вздохнул:

– К вам...

В папочке оказалась целая стопка рукописных страниц.

– Что это? – нахмурилась Кира.

– Стихи...

Девушка возвела глаза к потолку: еще один графоман!

– Вряд ли смогу вам помочь. Наше издание – не литературное. Оно печатает публицистику, – заученно и монотонно объяснила она. – Кроме того, я не редактор и, тем более, не издатель. Я не работаю с авторскими материалами.

– Эти стихи – для вас... – Молодой человек покраснел и отвел глаза. – Можете сразу в корзину... Не читая.

После такого анонса Кира уже не могла не прочесть. Хотя бы пару страниц. Просто из любопытства. Не каждый же день тебе дарят ворох стихов!

Она раскрыла папочку перед сном и... не смогла оторваться до утра. Только обнаружив, что спать ей осталось от силы три часа, она охнула, отложила стихи в сторону и выключила торшер.

Весь следующий день она бродила по редакции сама не своя. Сделала себе кофе, прибралась на рабочем столе, чего не случалось уже почти год, поклацала на компьютере, опять заварила кофе, рассеянно полистала подшивку газет, снова пошла делать кофе и обнаружила, что не выпила предыдущий.

Молодой человек не шел у нее из головы. И дело, скорее всего, было не в том, что стихи оказались на редкость хороши, а в том, что Кира понятия не имела, что способна пробудить в ком-то такие чувства! Страсть для поэзии не редкость. Но содержимое скромной папочки не было похоже ни на вспышку желания, ни на взрыв пубертатных эмоций. Это был яркий монолог – тонкий, искренний и чистый. Перед Кирой возник современный Вертер, но не прыщавый подросток с горящим взором, а яркий, умный и, видимо, сильный мужчина.

Через пару дней она уже жалела, что не попросила его оставить номер телефона. Ведь сейчас можно было бы позвонить и сказать... а что, собственно, сказать?... что он ее заинтересовал?... что она почему-то думает о нем?... Нет, конечно... Глупость какая-то... Ну, просто позвонить и сказать, что прочитала рукопись, что очень недурно... очень даже недурно... Или нет... Сказать, что готова порекомендовать его вирши знакомому редактору одного толстого журнала... редакторше... ага, фиг два!.. Та еще решит, что это ей посвящено!.. Нет, ничего не сказать... просто – позвонить... Абсурд! В любом случае, телефона нет, звонить некуда. Сам придет, никуда не денется. А если не придет?... Если и впрямь решит, что она выбросила стихи в корзину, не читая, – что тогда?

Когда терзания Киры достигли точки кипения или, как говорят, «белого ключа», молодой человек появился снова.

Он ждал ее перед кабинетом, улыбаясь своей непосредственной, детской улыбкой и теребя в руках листок бумаги. У девушки дрогнуло сердце. Пришел! К своему изумлению, она вдруг почувствовала, что начинает злиться. Легко на помине! Не прошло и полгода! Ее переполняла обида обманутой невесты, которой жених назначил свидание в пять, а явился в десять минут шестого.

– Что принесли на этот раз? – спросила она насмешливо, кивая на листок. – Прозу?

– Нет, я...

– Рановато! Я еще стихи не осилила! – Киру несло. – Не помню, куда засунула вашу папку. У вас нет другой? Жаль. Буду искать. Приходите через год!

Он кивнул, еще раз виновато улыбнулся и побрел по коридору на выход.

– Эй, вы! – Кира поняла, что злится на саму себя. – Как хоть вас зовут?

– Николай. – Он остановился.

– Так что у вас сегодня с собой, Николай?

– Вот... – он повертел листком. – Билеты.

– Лотерейные? – Сердце Киры пело и ликовало, но она продолжала ерничать.

– Почти, – улыбнулся Николай. – В планетарий.

– Куда-а? – Девушка застыла от изумления.

– Понимаете... – Он быстрым шагом вернулся и ткнул пальцем в билеты. – Только сегодня в половине шестого

можно увидеть...

– Луну?

– Созвездие Киры... – Он опять обезоруживающе улыбнулся. – Это бывает раз в десять лет...

И она пошла в планетарий. В конце концов, нет ничего плохого в том, чтобы взглянуть на созвездие, названное твоим именем, а потом забыть о нем на последующие десять лет.

С Николаем было не просто интересно – завораживающе! Он рассказывал ей про небесные светила и про земные пятна. Про Тунгусский метеорит и тайну Бермудского треугольника. Про сады Семирамиды и Вавилонскую катастрофу. Потом почему-то – про сибирских каторжан и рукописи Шнеерсона. Кира удивлялась не только его эрудиции, но и поразительной способности увлекать. Он умел рассказывать захватывающе и волнующе даже о вещах, казалось бы, тривиальных и простых. Впервые Кира устыдилась, что так мало знает.

– Из вас получился бы блестящий журналист, – сказала она задумчиво. – Не думали о том, чтобы сменить поприще?

– Не хочу составлять вам конкуренцию, – иронично, но вежливо ответил он.

– А кем вы работаете? – Девушка была заинтригована.

Оказалось, что Николай – философ по образованию – вот уже много лет трудится агентом по продаже недвижимости.

– Забавно, – сказала Кира, хотя и сама не могла объяснить, что же в этом, в сущности, забавного.

Они поужинали в уютном ресторанчике на углу Кирова и Германа Титова. День заканчивался чудесно. Немножко кружилась голова от легкого вина и милой, негромкой музыки, и девушка чувствовала, что потихоньку влюбляется в этого щуплого, странного, но такого необыкновенного мужчину. А когда он вдруг неожиданно встал, попросил у тапера место за инструментом и сыграл для Кире что-то совершенно волшебное... кажется, это был Берлиоз... впрочем, какая разница?... она окончательно потеряла голову.

Никогда в жизни она не оказывалась в постели с мужчиной после первого же совместно проведенного вечера! А тут даже сама не поняла, как это все... Он проводил ее до дома... Они целовались в парадном, как восьмиклассники... А потом каким-то чудесным образом он оказался в ее квартире... И не просто в квартире, а в спальне. Они прошли на цыпочках, чтобы не разбудить отца, а когда остались наедине, то набросились друг на друга, словно изголодавшиеся хищники.

Николай оказался ко всему и хорошим любовником. Он был ненасытен. Кира тонула в его нежности и страсти. Он то утихал, медленно и томно целуя ее грудь, облизывая и покусывая упругие соски, то принимался наращивать темп. Девушка сжимала в объятиях его голову, кусала пальцы, кричала и ахала, окончательно позабыв и о том, что за стеной в соседней комнате спит отец, и о том, на каком она свете...

Под утро Кира была совсем без сил. Она чувствовала себя

побежденной, поверженной и бесконечно счастливой. Николаю за короткий срок удалось то, чего иные поклонники добивались месяцами или даже годами: он влюбил ее в себя.

Но главное, чем он поразил воображение Киры, – это своей готовностью к безрассудным, сумасшедшим и по-настоящему красивым поступкам. Комната в цветах – еще что! Ранней весной, когда они только начали встречаться, Колька забрался к ней в окно редакции в самый разгар рабочего дня пообеденевшему карнизу. Кира готовила в номер большой материал про чиновников-мздоимцев, и нервничала, объясняя ответственному секретарю, что, подверстанная на четвертой полосе под колонкой для собаководов, эта статья не «выстрелит», останется незамеченной, как вдруг створка окна с грохотом распахнулась, и на подоконник сел огромный плюшевый заяц. От неожиданности все, кто находился в комнате, потеряли дар речи. И только когда из-за заячьих ушей выглянуло улыбающееся лицо Николая, редакторская взорвалась смехом и аплодисментами.

В мае (помнится, была суббота) за пять минут до полуночи в дверь позвонили. Кира открыла и с испугом посторонилась, пропуская двух грузчиков, тащивших в квартиру ящик, величиной с двухкамерный холодильник.

– Это вам, – буркнул один из них. – Распишитесь.

Полночи девушка распаковывала посылку. В ящике оказалась коробка поменьше. В ней – другая. В другой – третья. В третьей – еще одна. Когда Кира уже почти выбилась из сил,

а прихожая и коридор были завалены картоном и оберточной бумагой, в ее ладони оказалась совсем маленькая бархатная коробочка. Открыв крышку, девушка обнаружила изящное колечко с сапфиром и записку: «Будешь моей женой? Жду ответа за дверью».

Николай и в самом деле просидел все это время на коврик перед квартирой Киры. Когда та распахнула дверь и бросилась ему в объятия, их брак стал решенным делом.

А месяц назад прямо в ЗАГС Киру... принесли рикши. Коля где-то раздобыл настоящее ландо с ручками и нанял здоровенных носильщиков. Они прибыли к дому невесты в перьях и балахонах. Николай договорился с администратором театра, и подобный маскарад оказался возможным.

Словом, Кира встретила настоящего принца – немножко сумасшедшего, но отважного и безумно влюбленного.

Она стояла в гостиной, опьянев от счастья и глупо улыбаясь, когда где-то в недрах ее сумочки заиграла мелодия Green leaves. Еще надо было найти ее, эту треклятую сумку! Кира двинулась на звук и увидела в коридоре отца. Тот стоял, хитро подбоченясь и что-то пряча за спиной.

– Папка! – Она кинулась ему на шею, словно отец появился не из своей комнаты, а из дальней командировки.

– С днем рождения, дочка! – Он улыбнулся в усы. – Ну, иди, возьми трубку. Всем хочется тебя поздравить. А я подожду.

– Ни в коем случае! – Кира замотала головой. – Никому не позволю тебя опередить!

– Ну тогда – поздравляю. – Он неловко вынул из-за спины сверток, вручил дочке и смущенно кашлянул: – Это мой тебе подарок...

– Милый папка! – Девушка расцеловала его в лоб, щеки и нос.

– Ну, ты посмотри, что там, – по-детски интригуя, попросил он. – Может, тебе не понравится...

В свертке оказался свитер из ангорки.

– Какое чудо! – восхитилась Кира.

– Правда нравится? – ревниво поинтересовался отец.

– Еще бы! – девушка улыбнулась. – Вдвойне спасибо за то, что даришь его в июле. Готовь сани летом!

Тот довольно хмыкнул:

– Я старался. И уверен, что он тебе очень пойдет.

– Он будет согревать меня в любую непогоду, – заверила Кира. – Теплом твоего сердца.

Отец был растроган.

– Ну иди, принимай поздравления, – сказал он, утирая рукавом глаза. – Ишь, неугомонные...

В сумочке продолжал надрываться заунывный Green leaves.

– Я сейчас, папка. – Девушка бросилась на кухню. – Только отвечу.

Звонил выпускающий редактор.

– Спишь, что ли? – хмуро поинтересовался он. – Давай, дуй на работу. Главный тебя ищет повсюду.

«Спасибо за теплые поздравления!» – мысленно воскликнула Кира, а вслух сказала:

– Здороваться надо, Пал Григорьевич.

– Придешь – поздороваемся, – мрачно пообещал тот и положил трубку.

Она вышла в коридор с сумкой и телефоном и развела руками:

– Надо бежать. И в день рождения нет поблажек! А где Колька?

– С полчасика, как ушел, – ответил отец. – Обещал вернуться пораньше. – Он подмигнул. – С сюрпризом!

Кира счастливо рассмеялась:

– Вон, мой сюрприз! Вся гостиная в цветах! Видел, папка? Тот покачал головой:

– Хороший муж у тебя, девочка. Держись за него.

– А я и держусь...

Чтобы добраться до редакции, Кире нужно было проехать всего две остановки на троллейбусе, и поэтому она всегда опаздывала на работу.

Газета «Петрозаводск Daily», несмотря на название, выходила три раза в неделю, но пользовалась бешеной популярностью у горожан. Это издание уже давно снискало уважение и у власть предержащих, и у простых смертных, и раскупа-

лось мгновенно, едва только тираж попадал на витрины киосков. Возможно, поэтому работать в «пэдэ», как упрощенно именовали газету, было и почетно и выгодно.

Кира была на хорошем счету. Ее имя знали, а репортажи и очерки, выходившие из-под ее пера, читали вслух и на кухнях, и в институтах. Каждый выпускающий редактор боролся за ее материал, потому что знал, что от этого зависит успех номера.

Тем более странно, что Пал Григорьич сегодня с утра не в духе. Он начал не с обычного: «Дай что-нибудь на полполосы, кисонька...», а с грубости. И Кира на него обиделась.

Она пришла в газету девятнадцатилетней девчонкой-второкурсницей и за семь неполных лет проделала путь от стажера до обозревателя. Ее гонорарам завидовали даже бывалые журналисты. Один точный и хлесткий материал мог принести ей месячный доход, а крохотная «информашка» или комментарий, добытые из немислимых, но верных источников, – высоченный рейтинг.

Год назад Кира смогла себе позволить купить трехкомнатную квартиру недалеко от центра и, наконец, выбралась из тесной комнатухи в коммуналке, которую в свое время получила от государства как сирота. Тогда у нее еще не было отца...

Едва она переступила порог редакции, ее поймал за локоть спецкор отдела спорта Айвар Ляомая – высокий, красивый мужчина, бывший чемпион Карелии по гребле на бай-

дарках и каное, мечта многих дам из незамужнего коллектива «Петрозаводск Daily».

– С днем рождения, красotka! – Он чмокнул ее в щеку. – Я забыл: тебе уже восемнадцать?

Хоть Кира и считала, что двадцать шесть – это много, но все же не настолько, чтобы кокетничать своим возрастом.

– Скоро тридцать! – смело сказала она и чмокнула Айвара в ответ.

– А-я-яй, – сокрушенно покачал головой тот, – когда же я успел прозевать твое совершеннолетие? Знал бы – давно клинья подбил.

– Поздно, – улыbnулась девушка и сунула ему под нос безымянный палец с кольцом.

– Я знаю, – сказал Айвар. – Многие девушки носят кольцо с той же целью, что и баллончик с перечным газом – мужиков отпугивать! – И он хохотнул.

– Планерка была? – спросила Кира.

– Давно. Главный рвет и мечет. Но я ему намекнул, что у тебя день рождения и ты можешь вообще не прийти.

– А он?

Айвар затрясся в беззвучном смехе:

– А он говорит: ой, как не вовремя! Представляешь? Ты родилась некстати!

Они дошли до конца коридора, и Кира, поплевав через плечо, распахнула дверь приемной главреда.

– Ну, тебе – славно пообщаться, – хихикнул Айвар и, раз-

вернувшись, пошагал обратно, напевая строчку из песни Высоцкого: – А мне туда не надо...

Юсси Вильевич Тукс – плотно сбитый коротышка лет сорока пяти с живыми, колючими глазками и отвисшей нижней губой – занимал пост главного редактора со дня основания «Петрозаводск Daily». Он был необычайно подвижен, редко сидел на одном месте, даже во время редколлегии, и имел скверную привычку в разговоре постоянно переспрашивать собеседника, повторяя за ним последнюю фразу. Человека неискушенного такой риторический фокус раздражал. Работников редакции, напротив, забавляла манера начальника вести диалог, и они охотно пародировали ее в кулуарах.

– Юсси Вильевич! Миленький!.. – Кира, едва переступив порог, моляще сложила руки. – Не ругайте меня, непутевую!

– Не ругайте меня непутевую? – Редактор хлопнул по столу пухлой ладошкой. – Вас не ругать надобно, а пороть! Ну почему, ответьте мне, почему вас нет именно тогда, когда мы схватили за хвост сенсацию?

– Сенсацию? – посерьезнела Кира.

– Вы видели Пал Григорыча? – Коротышка вскочил с кресла, бросился к шкафу, вынул из него большую керамическую кружку с сердечками и витиеватой надписью «Красотка Сю», подержал ее в руке и сунул обратно. – Он так надеялся, что вы подверстаете что-нибудь в его выпуск.

– Вот оно что, – улыбнулась Кира и посмотрела на часы. – Еще успею загнать ему информашку про новые правила таможенного регулирования.

– Про новые правила таможенного регулирования? – Юсси Вильевич нахмурился. – Я бы на вашем месте не веселился. У меня уже была мысль поручить расследование Завадской.

– Завадская своей глуповатой прямолинейностью отпугнет источники, запутается в трех соснах и завалит материал, – дерзко ответила Кира. – И вы это знаете!

– И вы это знаете? – Тукс подскочил и сел перед ней на стол. – Я это знаю! Но что прикажете делать?

– Поручить расследование мне, – простодушно улыбнулась девушка. – Я ведь уже здесь.

– Я ведь уже здесь? – Редактор спрыгнул со стола и опять подбежал к шкафу. – А новость, может быть, уже тью-тью, кто-нибудь перехватил и теперь варит в большой кастрюле эксклюзив.

– Что-то горячее? – полюбопытствовала Кира. – Не томите, Юсси Вильевич.

– Не томите, Юсси Вильевич? – Тукс все-таки вынул кружку из шкафа и теперь раздумывал, что с ней делать. – Сядьте же!

Девушка послушно опустилась на стул.

Редактор, наконец вспомнив, протянул «Красотку Сью» Кире:

– С днем рождения!

Та прыснула со смеху:

– Ой, спасибо, милый Юсси Вильевич!

– Это от меня лично, – пояснил он важно. – А сотрудники вам еще подарят корпоративный подарок.

– Я это учту, – прикрывая рот рукой, сказала Кира. – А что же с вашей, то есть, нашей сенсацией?

Тукс плюхнулся в кресло, придвинулся вплотную к столу и торжественно произнес:

– Сегодня ночью на Парковой улице произошло самоубийство. Мужчина выпал из окна на глазах у любовницы.

– Тю... – цинично присвистнула Кира. – Тоже мне, сенсация.

– Не спешите, – редактор погрозил пальцем. – Это пусть другие издания думают, что тю... Информашками отстреляются все. А мне нужно хорошее, обстоятельное журналистское расследование, понимаете?

– Нет, – честно призналась Кира.

Юсси Вильевич поискал на столе и выудил блокнот из-под стопки бумаг.

– Я здесь кое-что сопоставил, – пробормотал он, слюнявя пальцы и листая страницы. – Три дня назад был похожий случай. И тоже при свидетеле.

– Волна суицида накрывает город! – с усмешкой предложила Кира возможный заголовок. – Или нет, лучше: репортаж с подоконника!

– Репортаж с подоконника? – Редактор нашел, наконец, нужную страничку в блокноте. – Не паясничайте, а послушайте. Я записал с ленты короткие сообщения агентств об этих двух происшествиях. И, знаете, что интересно: и там и там есть упоминание об одной мелочи, на которую никто до сих пор не обратил внимания.

– А именно?

– Обе жертвы незадолго до смерти были в кино. – Тукс торжествующе откинулся на спинку кресла. – Представьте себе: они смотрели один и тот же фильм в одном и том же кинотеатре и, судя по времени, на одном и том же сеансе! Только в разные дни. Каково?

– Забавно, – кивнула Кира.

– Забавно? – воскликнул редактор. – Это потрясающе! Два незнакомых человека посмотрели фильм, сразу пошли домой и свели счеты с жизнью. Здесь пахнет чем-то очень горелым. Может быть, скандальным. Печенкой чую, а вы знаете, что печенка меня никогда не подводила.

– Может, совпадение? – предположила девушка. – Или просто они оба были очень чувствительными людьми. Посмотрели мелодраму, прослезились, и – в петлю... То есть, на подоконник.

– Может, и совпадение, – задумчиво покачал головой Тукс. – Но есть еще одна странность: ни у одного из погибших не было ни малейших причин быть обиженными на судьбу. У обоих – семьи, любовницы, хорошая работа... Я

уже проверил по ЦАБу.

– В Центральном адресном бюро знают про любовниц? – подмигнула Кира.

Юсси Вильевич достал платок и громко высморкался.

– ЦАБ – это Целиковский Альберт Борисович, деточка, – прогнусавил он. – Мой однокашник и большой проныра. Но это, к сожалению, все, что ему удалось узнать по нашему делу. Теперь слово за вами. Что скажете?

– Думаю, с чего начать, – пожала плечами Кира.

– Думаю, с чего начать? – Тукс вскочил с кресла. – Берите ноги в руки и дуйте на место происшествия. Мне еще вас учить? Поговорите с оперативниками, только тонко, как вы умеете. Привлеките этого вашего... друга. У него наверняка уже есть какая-то информация.

Кира помрачнела. О, нет, только не это! О Викторе она больше слышать ничего не хотела.

Они расстались полгода назад, когда у нее появился Николай, и с тех пор отставленный любовник не давал ей покоя: звонил, угрожал, слал оскорбительные эсэмэски, даже шпионил! Благо, профессия позволяла.

Виктор Кошкин был рядовым опером службы криминальной милиции УВД Петрозаводска. И, справедливости ради, нужно сказать – скверным опером. В свои тридцать три года он все еще носил погоны старшего лейтенанта. Начальство махнуло на него рукой, а коллеги посмеивались. У стар-

лея-неудачника не получалось, как говорили, «ни плана, ни кармана». Следователи отказывались работать с его делами. «Где состав? Где доказуха? – кричали они на него. – Очередной «висяк» на шею!»

«Кошмарить» коммерсантов он тоже не умел. «Какой от тебя прок, – пеняли ему товарищи по службе, – если не можешь наладить «бизнес» на своей территории?»

Одним словом, неудачник. Правда, как мужчина он был ничего...

Он завоевывал Киру полтора года. А познакомились они прямо в городском управлении внутренних дел, куда журналистка приехала на брифинг.

– Возьмите у меня, девушка... – он схватил ее за локоть в коридоре у самого выхода и скверно подмигнул, – ...интервью.

Она высвободила руку и презрительно усмехнулась:

– Рылом не вышел, герой...

Насчет «рыла» – это, конечно, со зла. Он был очень даже ничего себе. Высокий, широкоплечий... правда, с уже прописывающимся брюшком над ремнем... но, все равно, еще довольно спортивного сложения... голубоглазый, светловолосый. И, главное – ямочка на подбородке! Кира почему-то обожала, когда у мужчины имелась такая ямочка. Ей казалось, что это неопровержимое свидетельство волевых качеств и одновременно детской наивности.

– А телефончик мой не запишете? – ничуть не смущаясь,

спросил нахальный старлей.

– Я его и так знаю. – Кира сбежала по крыльцу и нырнула в редакционную машину. – Ноль два!

– Хорошо, – кивнул он. – До встречи. Я дерзких люблю. Она показала ему из окна средний палец.

Блицкриг не получился, и Виктор перешел на осадное положение. Каждый вечер в конце рабочего дня он подъезжал к редакции на служебном автомобиле с включенными сигнальными огнями и воющей сиреной. С таким «эскортом» Кира отправлялась домой. Она ехала в свою коммуналку на другой конец города, а за ней по пятам следовала тревожная светомузыка, отпугивая прохожих и праздных зевак.

Он караулил ее везде: в подъезде, на улице. Он ездил с ней на репортажи, иногда откровенно мешая работе.

Служащий одной фармацевтической фирмы попросил журналистку о встрече, чтобы рассказать о контрафактных лекарствах, заполонивших аптеки города. Он ждал ее в парке, в самой глубине притихшей аллеи, соблюдая конспирацию, потому что рисковал не только должностью, но и головой. А Кира прибыла в сопровождении ревущей сине-белой машины, подъехавшей прямо к скамейке с застывшим на ней от ужаса фармацевтом.

Чтобы положить конец навязчивому сервису, девушка согласилась поужинать с неугомонным старлеем. Он привел ее в какую-то забегаловку, где группа подростков ломалась в танце под орущую музыку, очень быстро напился и принял-

ся стращать бармена, размахивая удостоверением, чтобы тот не брал с него ни копейки. Кире едва удалось погасить назревающий скандал.

После того запоминающегося вечера они не виделись месяц. А потом Виктор возник опять. В воскресенье, в шесть утра, он появился к ней домой с цветами. И она не смогла его прогнать до самого вечера.

Их роман закрутился как-то незаметно. Словно это был и не роман вовсе, а само собой разумеющийся финал. Он приучил ее к себе, к своему присутствию, нелепым и подчас грубоватым шуткам, полуночным звонкам, к своей ребяческой запальчивости и сумасшедшей ревности, к своему голосу и запаху. Она привыкла к нему. Поэтому, когда произнесла «люблю», то даже не удивилась: все было правильно, естественно и закономерно.

Они занимались любовью везде: у нее дома, у него в машине, даже в кабинете редакции на столе. Желание охватывало их внезапно и не всегда в подходящих местах. Виктор был чудесным любовником, и Кира чувствовала себя с ним хорошо и комфортно. А еще ей необычайно нравилось, что она всегда под надежной защитой. Защищать, правда, было особо не от кого, но сам факт, что рядом находится сильный мужчина, готовый броситься хоть тигру в пасть, был ей приятен.

Виктор нередко помогал Кире и в работе. Он узнавал для нее подробности того или иного уголовного дела, раскрывал

секреты мошенников, известные лишь немногим посвященным, «пробивал» информацию по интересующим ее фигурантам журналистских расследований.

И только одно обстоятельство омрачало их отношения: Виктор был женат. Кира узнала об этом поздно, когда роман уже закрутился вовсю, и попыталась прекратить его. Она стала избегать встреч, не отвечала на телефонные звонки. Ей было тяжело. Вдвойне – оттого, что Виктор уже прочно вошел в ее жизнь, сделался тем, без чего казалось невозможным существование. Любовь это была или, все-таки, привычка – не важно. Судить о таких вещах можно только тогда, когда стихает боль, когда становится послушным разум.

Кира крепилась долго, иногда боялась, что не выдержит, отдергивала руку от телефона, но окончательно сдалась после того, как он приехал к ней ночью, упал на колени и, обхватив руками, разрыдался:

– Я не могу без тебя...

Роман вспыхнул с новой силой. Виктор не оставил семью и теперь разрывался между двумя домами. Кира смирилась с ролью любовницы, «второй жены», забыла даже о том, что всегда мечтала быть единственной, обожаемой, неповторимой, мечтала просыпаться от поцелуя и жаркого шепота любимого мужчины. Она обреченно шла по дороге в никуда. И, казалось, этой дороге нет конца...

Но прошлой зимой она вдруг поняла, что чувства угасают. Ничего экстраординарного не произошло. Не было жарких

объяснений или подлых предательств, не было разочарований и обид. Просто в одно прекрасное утро Кира, проснувшись, осознала, что свободна. Она продолжала встречаться с Виктором, но – «по инерции», без страсти и душевных переживаний. Он стал «вещью» вроде мобильного телефона, который она машинально каждый день клала в сумочку и о котором не вспоминала «от звонка до звонка».

Все изменилось с появлением Николая. Жизнь заиграла новыми красками, обрела смысл и значимость. И Кира впервые почувствовала себя так, как рисовала в мечтах – единственной, любимой и желанной.

Она сразу призналась во всем Виктору. Тот выслушал ее спокойно, не произнес ни слова, потушил о стол сигарету и пропал на два дня. Утром третьего для Киры начался ад.

– Я убью этого заморыша! – заорал в трубку Виктор. – Выслежу и прикончу.

– Зачем же его? – стараясь говорить спокойно, возразила девушка. – Убей меня.

– Обоих убью!

Потом он пришел к ней домой. Трезвонил в дверь, стараясь унять противную дрожь в руках.

– Киры нет дома, – холодно объявил отец, загораживая дверной проем.

– А этот ее... поэт доморощенный? Он здесь?

– Послушай, Витя, – Кирина папа вздохнул. – Возьми себя в руки. Будь мужчиной.

Тот попытался его оттолкнуть и пройти в квартиру.

– Пусти, папаша! Все это добром не кончится.

– Верно говоришь, – согласился отец. – Если не уйдешь – добром не кончится.

Виктор, подумав, плюнул и ушел. Но вскоре предпринял еще одну попытку выяснить отношения с Кирой и ее «поэтом». Однажды он прислал эсэмэску: «Выйди во двор, поговорим на прощание. Я уезжаю в Чечню...» Кира немедленно вышла и тут же пожалела об этом.

– У меня предписание на обыск в твоей квартире, – держа щекой, сказал Виктор. – Сейчас мои ребята найдут у тебя странный порошок белого цвета, и ты отправишься в тюрьму! Свадьба отменяется!

– Так ты не едешь в Чечню? – насмешливо спросила та. – Кишка тонка?

– Замолчи!

Но Киру уже нельзя было остановить. Ее трясло как в лихорадке, глаза горели.

– Как я только повелась на твое лживое сообщение! Ты же трус! Тебя хватит только на то, чтобы, спрятав в штанах табельный пистолетик, угрожать расправой женщине! Интересно, что бы ты делал, не будь на тебе погон?

Виктор влепил ей пощечину и в тот же миг словно протрезвел.

– Прости меня, Кира! Прости меня! Я сам не знаю, что творю! Просто я люблю тебя! Слышишь?

Она медленно провела рукой по пылающей щеке и тихо сказала:

– Есть предписание – иди, обыскивай. Нет – пошел вон!
И он пошел вон...

Сейчас вспоминать обо всем этом было неприятно, и Кира поморщилась.

– Я знаю, что вы расстались с этим вашим милиционером, – кивнул Юсси Вильевич. – Но все же позвоните ему, дорогая. Для работы нужно... Помните, как раньше говорили: общественные интересы выше личных.

– Хорошо, – вздохнула та. – Я подумаю. Дайте мне адрес места происхождения.

Тукс поспешно вырвал листок из блокнота и положил перед ней:

– Вот, Парковая улица, дом шесть...

Выйдя на улицу, Кира поймала такси. Дорога займет не более пятнадцати минут, и за эту четверть часа ей предстоит пересилить себя, переломать, растереть свою гордость, как плевков на ладони, и, достав из сумочки мобильник, набрать на нем десять цифр... кстати, их еще надо вспомнить, ведь абонент с именем Vitjusha уже давно удален...

Мысль о том, что она может не вспомнить номер Виктора, почему-то принесла ей облегчение. Действительно, не обязана же она помнить наизусть телефоны всех оперов Петро-

заводска! Кроме того, Виктор, вполне вероятно, и помочь не сможет. Нужно выходить на начальника службы криминальной милиции и на замначальника милиции общественной безопасности. Разговорить их как следует, и дело в шляпе! А еще лучше – пообщаться с участковым и с местным УРом. А еще...

В сумочке взорвался Green leaves. Кира вздрогнула, пошарила рукой между косметичкой, связкой ключей, органайзером и диктофоном, достала мобильник и открыла рот: на дисплее беспардонным ответом на все ее переживания и сомнения мигало Vitjusha.

– С днем рождения, Кира... – голос Виктора дрожал. Вероятно, он волновался и поэтому частил скороговоркой: – Я желаю тебе здоровья, успехов в работе и... быть счастливой.

– Спасибо, – она облегченно вздохнула. Виктор, оказывается, помнил про ее праздник. Какая удача, что Vitjusha чудом остался в телефоне! – Знаешь, не хотела тебя тревожить... Мне, кажется, нужна твоя помощь. Мы можем встретиться прямо сейчас? На Парковой...

Он секунду помедлил и сказал:

– Буду там через двадцать минут.

Прибыв на место, Кира расплатилась с шофером, вышла из авто и огляделась. Одинаковые белые девятиэтажки, натканые вдоль тротуара, напоминали нижнюю челюсть людоеда из мультика про Микки-Мауса. Она без труда отыска-

ла шестой «зуб», зашла во двор и едва не угодила под колеса поливальной машины.

– Осторожнее, дамочка! – Старичок с аккуратной бородкой укоризненно покачал головой в окне первого этажа. – Этак еще один труп убирать придется!

– А первый был чей? – беззаботно спросила Кира. – Такой же дурехи, как и я?

Старичку явно понравилась ладная девушка в короткой юбке и белоснежном топики, поэтому он охотно продолжил беседу, облокотившись на подоконник:

– Рыбаков Лешка с третьего этажа выпал.

– С третьего – и насмерть? – усомнилась Кира.

– Всяко бывает, – философски заметил старик. – И с тротуара зашибиться можно, и в ванне утонуть.

Девушка кивнула, соглашаясь, что, действительно, плохо знает жизнь.

– Но здесь вы, похоже, правы, – продолжал ее собеседник в окне. – С третьего он бы только ноги сломал.

– А так – что-то еще? – осторожно спросила Кира.

– А так у него еще и пуля в башке.

Запиликал мобильник.

– Ты где? – поинтересовался Виктор.

– Во дворе шестого дома. – Кира вежливо поклонилась старичку и двинулась вдоль тротуара. – Здесь еще площадка...

– Я знаю.

Ей почему-то казалось, что он должен был измениться за полгода. Например, осунуться. Или полысеть. Но Виктор выглядел, как прежде. Даже, кажется, похорошел. Взгляд стал мягче, а глаза – синее. Голубая тенниска новая, такой у него не было. А джинсы старые, он их обычно надевал, когда предстояло много двигаться – ходить пешком по городу или даже бегать.

– Превосходно выглядишь, – Виктор ее опередил. – Какими судьбами в этих краях?

– Присядем? – предложила Кира.

Они пересекли двор и расположились на разноцветной скамейке под молодым кленом.

– Знаешь, что здесь произошло минувшей ночью? – спросила она.

Виктор грустно усмехнулся:

– Я догадался, по какому делу нужен тебе, когда ты назвала адрес.

– Значит, это ваша головная боль?

– Только оперативная поддержка, – он махнул рукой. – А занимается прокуратура.

– Прокуратура? Самоубийством? – Кира приподняла бровь.

Виктор сложил руки на груди и насмешливо покачал головой:

– О-е-ей! А то ты не знаешь, что убийством.

– Дедок с первого этажа доложил, но я не поверила.

– Отчего же?

Кира достала из сумочки блокнотный лист.

– Сам посуди, – сказала она. – Скромный инженер, семья, ребенок, долгов нет, увлечений и пагубных пристрастий – тоже, если не считать любовницы...

– А любовница – это увлечение или пагубное пристрастие? – перебил Виктор.

– И то и другое, – сухо ответила Кира. – Так вот, вопрос: кто и за что может убить такого? Да еще не в потасовке, не в семейном скандале, а ночью, из пистолета в голову! Прямо, заказуха какая-то.

Виктор фыркнул.

– И откуда вы, журналисты, так быстро все разнюхиваете? И про семью, и про детей, и даже про любовницу...

– Сам знаешь, – улыбнулась Кира. – Это наш хлебушек насущный. А тебе к моему знанию есть что добавить?

– Пожалуй, нет. Путаная история. В одном ты права: убивать не за что. С другой стороны, девчонка-свидетель, та самая пагубная страсть покойного, утверждает, что видела женщину...

– Женщину? – заинтересовалась Кира. – Где?

– На месте убийства. А незадолго до этого ее же – возле кинотеатра «Каскад». А еще раньше – в самом кинотеатре.

– То есть, таинственная женщина следовала за ними до самого дома? – уточнила Кира.

– Выходит, что так, – кивнул Виктор.

– А перед этим смотрела кино?

– Похоже, что не она смотрела, а они... На нее.

Кира округлила глаза.

– Это как?

Виктор рассмеялся.

– С этого места просто чушь начинается. Мистика. То ли девчонке что-то померещилось на фоне пережитого шока, то ли она всегда была тронутой. По ее мнению, незнакомка в белом платье с черной накидкой преследовала их... сойдя с экрана.

– Это бывает, – улыбнулась Кира. – Помню, когда впервые посмотрела «Кошмар на улице Вязов», Фредди Крюгер преследовал меня повсюду. Даже в ванную стучался.

Виктор посмотрел на часы.

– Мне пора, детка. Сожалею, что разочаровал тебя.

– Не разочаровал, – тихо сказала Кира.

Они посмотрели друг на друга, и оба неловко отвели глаза.

– Слушай! – она преувеличенно бодро тряхнула головой. – А можно побеседовать с этой... любовницей? Где она сейчас?

Виктор пожал плечами.

– В прокуратуре. Ее допрашивает следователь.

– Отвезешь меня?

Он замаялся.

– Не думаю, что прокурор будет в восторге.

– У меня есть аккредитация, – подмигнула Кира. – Поехали, Витюша...

Здание городской прокуратуры издалека напоминало дворец бракосочетаний, потому что уже давно, по замыслу какого-то остряка, было выкрашено в кричащий розовый цвет.

Виктор аккуратно проехал между запаркованными авто, утыкавшими с обеих сторон тротуары, и подкатил к шлагбауму.

– Только очень недолго, девочка, – предупредил он Киру. – Через полчаса мне нужно быть в управлении.

– Ты меня только заведи в кабинет, – попросила та, – и можешь ехать по своим делам.

Они миновали дежурного, поднялись на второй этаж и двинулись по бесконечному коридору, застеленному аляповатым и местами пузырящимся линолеумом. Виктор не удержался и взял Киру за руку. Та немного стушевалась, но руку не убрала. Они шли по прокурорским анфиладам, мимо многочисленных запертых и полуоткрытых дверей, как два старшеклассника, опаздывающих с перемены на урок географии, но ни капельки не обеспокоенных этим обстоятельством.

– Я очень хорошо запомнила эту женщину! – донеслось до них из распахнутой настежь двери в самом конце коридора. – И готова составить словесный портрет.

– Мы до этого дойдем, – пообещал мужской голос. – А пока еще раз постарайтесь вспомнить точно, слово в слово, сказанное ею...

Молодой следователь с узким, непропорциональным лицом, обрамленным рыжеватыми бакенбардами, недоуменно поднял голову, когда Виктор с Кирой возникли на пороге.

– Мы только на пару минут, – одними губами показал опер, подталкивая свою спутницу к стулу у самой стены. – Мешать не будем.

Допрашиваемая – худенькая девушка с короткой аккуратной стрижкой, в красной, уже не модной блузке – была так поглощена и взволнована беседой, что даже не обернулась на вошедших.

Следователь укоризненно покачал головой, мол, сотрудникам милиции надо своими делами заниматься, а тебе, Кошкин, тем паче, и снова обратился к свидетельнице.

– Значит, давайте еще раз, – он ободряюще кивнул. – Женщина, одетая в длинное белое платье с черной накидкой на плечах, встретила вас, когда вы – что?

– Когда мы проходили через скверик, который сразу за кинотеатром, – подавшись вперед, ответила девушка.

– Итак, вы проходили через скверик, – благосклонно продирижировал ручкой следователь, – как вдруг...

– Как вдруг Леша...

– Алексей Рыбаков.

– Как вдруг Алексей Рыбаков остановился и говорит:

«Это она!» У меня, прям, мурашки по телу побежали... – Девушка схватила со стола стакан с водой и громко сделала глоток.

– Кто – она? – терпеливо уточнил следователь.

– Она! Та женщина, которая в кино говорила, мол, твой номер – сорок три, мол, тебе смерть в затылок дышит!

– Давайте, я скажу, а вы меня поправите, если не так. – Молодой человек откинулся на стуле. – Значит, Алексей Рыбаков, проходя с вами вместе по скверу примерно в полвторого ночи, заметил женщину, необычайно похожую на ту, что вы несколько минут назад видели на экране в кино, правильно?

– Правильно.

– Эта женщина к вам подошла, – продолжал следователь, – и сказала...

– Она не подходила, – поправила девушка. – Она как бы вышла из темноты...

– Значит, она как бы вышла из темноты и сказала...

– Все то же самое, – пожала плечами свидетельница, – что и в кино.

– А именно?

– А именно: твой номер – сорок три, говорит, и смерть, мол, уже дышит тебе в затылок! – девушка начинала терять терпение. – Я вам три раза это рассказывала!

Кира за ее спиной, не удержавшись, громко чихнула.

– Вот, значит, правильно! – удовлетворенно констатиро-

вала девушка, обернулась на мгновение, потом – снова, и вдруг, поменявшись в лице, выскочила из-за стола:

– Это она! Она!

Следователь от неожиданности выронил ручку.

– Кто – она? – пробормотал он.

Кира заморгала. Виктор открыл рот.

– Она! Та женщина в сквере! – У свидетельницы дергались губы, а глаза вылезали из орбит.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Девушка собралась с силами и выдохнула Кире в лицо:

– Убийца!

Глава вторая

– Сюрприз!

Едва Кира переступила порог, в прихожей вспыхнул свет. Николай с отцом, улыбаясь, протягивали ей огромный, многоярусный торт, увенчанный розовым сахарным сердцем. Он был настолько велик, что двое мужчин с трудом удерживали его на вытянутых руках, а именинные свечи – даже если их было все двадцать шесть, а не меньше – смотрелись на нем редкими, крохотными светлячками.

– Спасибо, милые мои, – Кира вымученно улыбнулась.

– Отведайте наше сердце, сударыня! – торжественно произнес папа.

– Обязательно отведаю, – вздохнула та. – Несите его пока на кухню.

Николай первым почувствовал неладное.

– Что-то не так, дорогая? – с тревогой спросил он. – На тебе лица нет.

Отец тоже озабоченно нахмурился.

– Ты не заболела, дочка?

Кира бросила сумку на стул, стряхнула с ног туфли и жалобно попросила:

– Налейте мне водки.

Виктор был потрясен таким поворотом событий. Он чув-

ствовал себя то ли обманутым, то ли подставленным. Давно ему не приходилось так униженно выслушивать нравоучения сначала от сопливого следователя, еще вчера зубрившего учебники по праву, а затем и от собственного начальства. Его снова называли «опером-неудачником»!

Сорок минут назад он свернул на улицу Космонавтов и тут же попал в пробку. Машина, еще не оправившаяся от дневной жары, теперь хрипела раскаленным двигателем в вечернем автомобильном заторе. Он, сотрудник МВД, мог бы, наплевав на правила движения, развернуться через сплошную двойную линию и поехать в обратную сторону, но ему нужно было именно в эту! Он мог бы, моргая фарами, выйти на полосу встречного движения, но она тоже была забита такими же хрипящими от безысходности авто.

Оставалось смириться и, тоскливо переставляя ногу с газа на тормоз, еще раз осмыслить этот бестолковый, мерзкий и уже свернувшийся, как молоко, день.

С чего начались неприятности? С телефонного звонка. Он позвонил Кире и поздравил ее с днем рождения. Все нормально. Можно было нажать «отбой» и дожидаться следующего праздника, скажем, Нового года. Но она его опередила и попросила о встрече. И здесь можно было бы включить заднюю: сослаться на занятость, на усталость. В конце концов, он мог просто и твердо сказать: «Знаешь, дорогая, я полгода назад был изгнан тобой, отставлен в сторону, как старые лыжи, а теперь вдруг зачем-то понадобился... У ме-

ня тоже есть гордость!» Кроме того, он ведь сразу догадался, зачем, собственно, понадобился своей бывшей возлюбленной. Парковая улица! Еще бы ему не знать, где это, если всю минувшую ночь он провел там! Ушлая журналистка собиралась воспользоваться их прошлой дружбой, чтобы накопать побольше жареных фактов. И, даже зная это, он согласился на встречу! Зачем? Неужели так сильно соскучился?.. Пожалуй, да. Очень сильно. Ему хотелось увидеть Киру, заглянуть ей в глаза, услышать ее голос... Они встретились. И что? Он вел себя достойно. Не ерничал, не злился и, в общем, не передал ей никакой информации. Можно было спокойно отправляться на работу, тем более что он и так уже опаздывал. Нет же! Хитрая лиса опять заманила его в ловушку. Подвези в прокуратуру! У нее, видите ли, аккредитация! Ну, коли так, отправляйся сама, зачем тебе чья-то помощь? Но он опять дал слабину. Еще хоть двадцать минут с ней наедине!

Виктор зло загудел машине, попытавшейся влезть перед ним в полосу. Куда вам всем надо? Места нет ни слева, ни справа – какие маневры? Стой в своей полосе и не дергайся!..

И что же случилось потом? А потом произошло самое скверное. Единственный свидетель по делу о преднамеренном убийстве в присутствии следователя опознала убийцу в женщине, которую опер-уполномоченный Виктор Кошкин собственноручно привел в прокуратуру. И не просто привел, а – провел, представив своей хорошей знакомой.

Немыслимых усилий стоило ему убедить следователя, что

«свидетельница не в себе», что ей нужен отдых после пережитого стресса. Но тот тем не менее взял с Киры письменные объяснения и поинтересовался, где она была минувшей ночью в промежутке между двенадцатью и двумя часами. Дальше – хуже. Выяснилось, что алиби у нее нет. Она, якобы, провела всю ночь дома, в своей постельке. А муж... этот сморчок слюнявый, поэт задрипанный... муж, оказывается, задержался допоздна на работе, потому что готовил сделку, и подтвердить алиби не сможет!

Виктор выключил зажигание. Хватить греть мотор! Термостат едва справляется. Стрелка уже приблизилась к ста градусам. Скорее всего, эта любовница Рыбакова просто спятила. Отсюда – и весь бред про женщину с экрана. Следовательно, если бы Виктор зашел в кабинет не с Кирой, а, скажем, с лейтенантом Таней Быструшкиной... кстати, она вчера была без лифчика... в форменной рубашке с погонями так аппетитно колыхалась ее грудь!.. Так вот, если бы зашел с Таней – то и она оказалась бы «той самой женщиной в сквере». Хорошо, коли так. А если нет? Если худая стерва в красной, как тряпка тореадора, блузке – нормальная, вменяемая особа с хорошей зрительной памятью и великолепными характеристиками с места работы? Тогда...

Виктор похолодел. Он даже не услышал, как ему гудят задние машины. Тогда... Это просто чудовищно! Такое даже предположить невозможно! Получается, что Кира, у которой, допустим, рыло в пуху... ну, может, она и не убий-

ца, конечно... но вполне могла попасть в неприятную историю... выслеживала кого-нибудь, вынюхивала, искала материал для своей писанины и – бах – оказалась в неподходящее время в ненужном месте... получается, что Кира просто использовала его, как громоотвод. Кому придет в голову подозревать в чем-то нехорошем известную журналистку, которая с другом-оперативником сама приехала в прокуратуру «добывать информацию по этому делу»?

Виктор пошарил рукой по торпеде, схватил пачку сигарет, обнаружил, что она пустая, со злостью скомкал ее и выбросил в окно. Думай, товарищ старший лейтенант, что теперь делать. Искать доказательства Кириной невиновности или, напротив, стараться вывести эту хитрую и бездушную женщину на чистую воду?

Пробка стала редеть. Виктор запустил двигатель и теперь медленно двигался по мостовой в потоке оживших машин.

Пару дней назад, кстати, был похожий случай. Тоже мужчина и тоже возвращался из кино. Но, правда, не с любовницей, а с женой. Добрались до дома, легли спать. Глубокой ночью – звонок. Мужа попросили выйти поговорить на лестничную клетку. А потом он летит из окна пятого этажа. Приезжает наряд, то да се... Вызывают труповозку... И врачи обнаруживают у покойничка в затылке пулевое отверстие. Как всегда у нас... Менты ничего сами определить не могут. Они утопленника от зарезанного не отличат! Был, кстати, такой случай. В реке труп нашли. Приезжает «дежурка» из мест-

ного отдела. Протокольчик осмотра, туда-сюда. Вывод: утонул по пьяному делу. А у того нож из груди торчит. Ох, как нам не хочется «висяки» себе вешать!

Так вот, возвращаясь к выпавшему из окна мужу. Жену допрашивали, ничего не видела, не слышала. С кем супруг на лестницу потопал – понятия не имеет.

Виктор высунулся из окна:

– Эй, приятель, угости сигареткой!

Водитель машины, движущейся во встречном направлении, протянул ему раскрытую пачку.

– Мерси. – Кошкин щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся.

Это дело, кажется, сейчас у Пашки Щеголькова. Толковый следак, но завален работой по горло. Может статься, что после оперов несчастную жену, то есть, вдову погибшего еще никто не допрашивал.

Виктор нащупал в кармане телефон, достал его, набрал в поисковике Shegol и нажал кнопку вызова.

– Неприятная история, – покачал головой отец, когда Кира, наплакавшись вволю, сидела, поджав ноги, в кресле в гостиной и прихлебывала горячий шоколад из крохотной фарфоровой кружки. – Может дойти до журналюг из вражеского стана, и тогда те начнут зубоскалить вволю.

– Да будет вам, Андрей Иванович, – махнул рукой Николай. – Обойдется. Эта мадам, которая свидетель, видать, тро-

нулась головой после пережитого. Оно и понятно: не каждый день любовники из окон выпадают. Уверен: завтра она придет в себя, и еще извиняться будет. А ты, дорогая, – он повернулся к жене, – напрасно меня не привлекла в свидетели. Я бы подтвердил твоё алиби.

– Я тоже думаю, что все будет в порядке, – шмыгнула носом Кира. – И вообще, давайте все-таки допразднуем сегодняшний день, чуть-чуть подпорченный, но не переставший быть моим.

– Принести тебе кусочек нашего торта? – спросил отец.

– Нет, папка, – она покачала головой. – На ночь не буду. А вот лучше, знаешь, что?..

– Неужели еще водки? – ахнул Николай.

– Нет, – рассмеялась Кира. – Я хочу, чтобы папка выполнил мое желание... – Она мечтательно зажмурилась. – Хочу опять и опять слушать чудесную, трогательную и такую родную историю, как он меня искал, искал и, наконец, нашел. Хочу, чтобы ты, Колька, принес мне еще горячего шоколада, сел рядом и тоже послушал.

– В десятый раз? – улыбнулся он.

– Хоть в сто десятый. – Кира протянула ему пустую кружку и поудобнее устроилась в кресле. – Нет ничего на свете трогательнее этой истории!

Отец погладил усы и улыбнулся:

– С удовольствием, дочка. Ведь и для меня нет ничего в жизни важнее. Значит, так...

– Подожди, – девушка закрыла глаза. – Я буду представлять себе, как это было... – Она приготовилась. – Начинай, папка.

– Когда нас разлучили с твоей мамой, – он бросил влажный взгляд на фотографию в рамке, – я долго ничего о ней не знал. И уж тем более не предполагал, что она в тюрьме...

Я искал ее повсюду. Пытался найти людей, которые хоть что-нибудь могли мне о ней рассказать, силился ухватиться за самую тонкую ниточку, способную указать правильный путь. Знаешь, как в сказке: бросишь клубочек и идешь туда, куда он покатится. Хоть в тридевятое царство. Но такого волшебного клубочка у меня не было. И ниточки – тоже. Но я не отчаивался. Я так ее любил, что готов был ждать годы, перерыть горы песка ради одной золотой крупички надежды.

– Как красиво... – вздохнула Кира. – Говори... говори...

– У меня была только вот эта ее фотография, – отец кивнул на телевизор. – Я смотрел на нее, и мне казалось, что моя любимая рядом, что стоит только сильно захотеть – и ее глаза на снимке потеплеют, губы прошепчут «люблю». Я хотел, очень хотел... Я разговаривал с ней долгими вечерами, засыпал и просыпался, прижимая к груди ее портрет. Но она не оживала. Только грустно смотрела на меня.

Шли годы, надежда моя не угасала, и однажды случилось чудо...

– Вот твой шоколад, любимая, – вернувшийся с кухни Николай протянул Кире кружку.

Та взяла ее, не открывая глаз, и приложила палец к губам:
– Тс-с...

– Однажды, в конце восьмидесятых, случилось чудо, – повторил отец. – Я разговорился на рынке с женщиной, торговавшей сигаретами. Слово за слово... Выяснилось, что она год как освободилась из колонии. Отбывала наказание по валютной статье, а потом ей еще прибавили за что-то... Словом, десять лет отбарабанила. Она рассказала: была, говорит, у нас женщина – одни ее считали сумасшедшей, другие – чуть ли не святой. Не от мира сего была. А срок тянула за убийство. Прикончила предателя, сексота. Отомстила за своего возлюбленного... – Отец часто заморгал и шмыгнул носом. – Это я потом догадался, что обо мне речь... А тогда, на рынке, меня словно ледяной водой окатило. Словно, голос какой-то внутренний проснулся и нашептывает мне: спроси, как звали ту странную женщину. Я говорю торговке, не помнишь, мол, имя той несчастной? Она отвечает: как, мол, не помнить, хорошо помню. Называет мне имя, и у меня сердце прямо под ноги ухнуло. И слезы из глаз. Торговка даже перепугалась. Я говорю ей: милая, а какова судьба той женщины? Не праздну спрашиваю, жена она мне, мною потерянная, тому уж как пятнадцать лет! Та – тоже в слезы. Говорит: а ведомо тебе, что она дитя родила в пересыльной тюрьме? Я рот открыл, хочу что-то сказать, а не могу. Дыхание перехватило. Как, дитя, – спрашиваю, – когда? Торговка отвечает: это, мол, еще до моего появления на зоне было,

но вроде бы в семьдесят четвертом году ребеночек родился. Женского полу. Названа Кирой. А отчество и фамилия – по отцу, как заведено. Оказывается, только год дитю положено было с мамкой находиться в тюрьме. А потом – в дом малютки. Потому что срок у мамы верхний. Выше не дают. Выше только стенка, ИМН...

У Кире из-под закрытых век выкатилась слеза. Николай обнял жену. Отец помолчал, словно собираясь с силами, чтобы закончить нелегкий рассказ, и вздохнул:

– После того как ребеночка у нее забрали в детский дом, она, горемычная, еще семь лет прожила... И тихо-тихо ушла... На зоне говорили, мол, пришла из ниоткуда и ушла в никуда. Исчезла, словно и не была. Но оставила после себя самое главное свидетельство своей жизни и своей любви – дочь. Она сама говорила: мне надо, мол, сделать одно важное дело на этой земле, и я уйду... – Отец вытер рукавом глаза. – Вот так моя нечаянная радость обернулась горем, а горе – новой радостью: у меня растет дочурка! Где-то на земле ходит, дышит, смеется, плачет частичка меня. Бросился я искать ее по детским домам. Запросы слал, письма строчил в официальные организации. Я ведь не знал даже, где эта пересыльная тюрьма находится, в каком городе? Через три года мытарств и чиновничьих отписок получаю наконец ответ: город Петрозаводск, детский дом такой-то... Прилетел сюда как на крыльях, без труда отыскал приют, сразу – к директору. А он мне: опоздали, папаша, девочка ваша повзросле-

ла, окончила школу с отличием и... покинула нас. Я говорю: где мне теперь искать ее? Тот пожимает плечами: в Москву она собиралась, учиться на журналиста. Способная дочка у вас...

– Да... – всхлипнула Кира. – Я хотела в столицу ехать, поступать в университет, но в самый последний момент осталась в Петрозаводске... Вот она, судьба... Получается, сама себе отсрочила свидание с отцом еще на несколько лет!

– Чего уж, – покачал головой тот. – Главное – встретились. А тогда я даже не ведал, с чего начинать. Как в этой Москве, огромной и бестолковой, искать маленькую, хрупкую девочку? Но – поехал. Все институты пешком обошел... Без результата. А потом мне говорят: не унывайте, папаша, двадцатый век на дворе, интернеты всякие... Если, мол, и впрямь журналистом стала девочка ваша – вмиг отыщется. И точно. В девяносто восьмом статью мне показывают. Про остров Хойту...

– Ой, – Кира поморщилась, – не вспоминай, пожалуйста, про ту жуткую публикацию. У нее были трагические последствия.

– Для кого-то, может быть, трагические, – возразил отец, – а для меня – счастливые. Я нашел свою девочку! Свою маленькую Киру. Нашел, чтобы не расставаться с ней уже никогда!..

В комнате повисла тишина. Было слышно, как вода капает из крана на кухне, постукивая по сложенным в раковине

кастрюлям. Отец сидел, опустив голову, Николай обнимал жену и гладил ее руки, а та, не открывая глаз, беззвучно плакала. Каждый думал о своем и, в то же время, – о главном: о том, как странно и причудливо тасует жизнь колоду человеческих судеб, как пестро смешаны в ней картинки радостей и трагедий, черная масть безысходности и красная – надежд.

Тяжелый бархат тишины неожиданно треснул пополам, разрываемый холодным лезвием опостылевшего Green leaves. Все трое вздрогнули. Кира нехотя сползла с кресла, достала из сумочки мобильник и похолодела: в окошке дисплея мигало настырное Vitjusha.

– Кто там? – насторожился Николай.

– Это Виктор, – вздохнула Кира. – Вероятно, хочет поблагодарить за приятный день...

– Дай, я отвечу, – муж решительно протянул руку.

– Не нужно. Я сама за себя отвечу, – и она поднесла трубку к уху. – Алло...

– Жду тебя завтра в прокуратуре ровно в десять, – голос Виктора был сух. – И без фокусов. Иначе вызову повесткой.

– Я буду, – пообещала Кира. – Ровно в десять...

На следующее утро она надела темно-синее платье до колен, недавно подаренное ей мужем, собрала волосы на затылке в «хвост» и заколола наверх.

«Пусть видит, что я ничуть не напугана и не уязвлена вчерашним недоразумением, – решила Кира. – Буду вести себя

естественно и непринужденно».

Но одно дело – принять решение, и совсем иное – заставить себя ему следовать. Она расплескала кофе, пока готовила себе завтрак, выронила нож, рассыпала соль и, в довершение всего, так и не притронулась к еде. Руки предательски дрожали, а сердце выпрыгивало из груди.

Нет, это невыносимо! Она чувствует себя виноватой, хотя ничего не натворила, она поставлена перед необходимостью оправдываться, хотя объяснять нечего!

На кухню зашел Николай. Он был в свежевыглаженной голубой сорочке с шелковым синим галстуком.

– Мы сегодня в одинаковых тонах, – слабо улыбнувшись, заметила Кира.

– Верно, – кивнул муж. – Потому что я еду с тобой.

– Это совершенно лишнее, – запротестовала она. – Да тебя и не пустят в прокуратуру!

– Мне так спокойнее. – Николай поджал губы, как делал всегда, когда хотел опередить возражения. – А если не пустят, подожду тебя во дворе, на лавочке. Не спорь, любимая.

– Одобряю, Коля! – Отец появился на кухне в футболке и серых тренировочных брюках. По его лицу было заметно, что минувшую ночь он провел без сна. – Наша девочка нуждается сейчас в поддержке. И никто этого не сделает лучше, чем самые родные и близкие люди.

Путь до прокуратуры они проделали, не проронив ни сло-

ва. Николай уверенно вел машину объездными путями, по переулкам и дворам, чтобы избежать утренних пробок. Когда в конце улицы показалось розовое здание, Кира испуганно сжала холодными пальцами руку мужа.

– Что-то мне не по себе... Предчувствие какое-то...

Тот улыбнулся и поднес ее пальцы к своим губам.

– Я с тобой, милая. Все будет хорошо, поверь мне.

На удивление, не только Николая, но и саму Киру не собирались пускать в прокуратуру.

– На вас не выписан пропуск, – объяснил дежурный.

– Странно... – пробормотала она и вынула из сумочки телефон, чтобы звонить Виктору.

– Возможно, он выписан на другую фамилию, – догадался Николай. – Моя жена поменяла ее чуть больше месяца назад.

– Верно, – улыбнулся дежурный, выудив из картонной коробки нужный пропуск. – Но, надо полагать, на эту фамилию у вас документика уже не имеется?

– Надо полагать, не имеется, – раздраженно подтвердила Кира. – Мне уходить?

– Вы ведь к Щеголькову, – радостно обнаружил дежурный, разглядывая пропуск. – Хороший следователь. Ушлый. Наизнанку вас вывернет. – И он подмигнул.

– Может, хватит? – выступил вперед Николай. – Или вы нас пропускаете, или...

– Пропускаю! – великодушно заявил дежурный. – Только данные запишу. Обоих...

Они поднялись на второй этаж и прошли, взявшись за руки, по коридору, по которому еще вчера, так же точь-в-точь, Кира шагала с Виктором. Теперь она жалела, что позволила этому мужлану-старлею думать, что они снова друзья.

Следователь Щегольков оказался очень высоким молодым человеком с грязными каштановыми волосами, тяжелым, грушевидным носом и умными карими глазами. Когда Кира с мужем появились на пороге кабинета, он сидел за столом и небрежно листал глянцевый журнал. Виктор тоже был здесь. Он поднялся навстречу вошедшим и, кивнув Кире, устался на Николая:

– А этот сморчок прилизанный что здесь делает?

Кира изменилась в лице.

– Не смей говорить гадости о моем муже ни в его присутствии, ни за глаза! Ты понял?

– Я его сюда не звал! – огрызнулся Виктор. – Или вы все делаете вдвоем? Вместе чпокаетесь, вместе людей из окон выкидываете?

– Я полагал, – вмешался в назревающий конфликт Николай, – что мое присутствие не помешает вашей беседе. А мне очень важно здесь быть. Ведь разговор напрямую касается самого близкого мне человека...

– Он полагал! – вскинул руки Кошкин. – Посмотрите на него! Тут полагают другие, мил человек. Вы в прокуратуру пришли, а не на мужской стриптиз, где вам привычнее и комфортнее.

– Да брось, – махнул рукой Щегольков. – Пусть присутствует, если ему так важно. – Он повернулся к Николаю. – Прошу вас, присядьте вон на тот стул.

Виктор раздраженно хмыкнул и отошел к окну.

– Может, объяснишь, зачем звал? – Кира все еще не могла совладать с собой. Ее щеки пылали, а пальцы нервно теребили ремешок сумки.

– Я объясню. – Следователь поднялся из-за стола и достал с полки папку из плотного картона. – Видите ли, вчера вечером, по настоянию оперуполномоченного Кошкина, мы навестили одну даму... – Он неспешно развязал тесемки на папке. – Это жена... вернее, уже вдова господина Сидорского, погибшего несколько дней назад при обстоятельствах... – Он раскрыл папку и вынул из нее лист протокола. – ...При обстоятельствах, похожих на те, при которых был убит уже известный вам господин Рыбаков...

Кира внимательно слушала. Она даже опустилась на стул, не сводя тревожного взгляда со следователя.

– Эта дама, – продолжал тот, демонстрируя собравшимся протокол, – пояснила следующее: вечером понедельника она отправилась с мужем в кинотеатр «Каскад» на последний сеанс. Посмотрев до конца художественный фильм «Сорок третий номер», примерно в двадцать минут второго ночи они вышли из кинотеатра и отправились домой. В сквере за кинотеатром к ним подошла женщина с распущенными темными волосами, в белом платье и черной накид-

ке. Произнеся следующую фразу: «Твой номер – сорок три, смерть дышит тебе в затылок...», она развернулась и исчезла за деревьями. Придя домой, супруги Сидорские легли спать. Примерно в три часа ночи в дверь позвонили. Та же самая женщина с темными волосами, что встретила их в парке, настоятельно просила господина Сидорского выйти на лестничную клетку «для короткой беседы». Сидорский, удивившись, все же согласился. Он уснул свою жену в квартиру, пообещав, что вернется через пять минут. А спустя двадцать минут госпожа Сидорская, обеспокоенная длительным отсутствием мужа, вышла на лестничную клетку, но не обнаружила там ни его самого, ни женщины в белом платье.

Щегольков выложил перед Кирой лист протокола, чтобы она смогла убедиться в том, что все сказанное – чистая правда.

– А это, – он вынул из папки еще один лист, – протокол осмотра места происшествия, составленный в ночь убийства. Господин Сидорский был обнаружен мертвым, лежащим на тротуаре перед собственным домом. Согласно заключению, он выпал из окна, расположенного рядом с той самой лестничной клеткой, на которой разговаривал с ночной визитершей. Но причиной смерти стало не это падение. Экспертиза установила, что Сидорский был убит выстрелом в затылок из пистолета системы «Вальтер». – Щегольков с ловкостью фокусника извлек третий лист. – В собственноручно написанном объяснении вдова Сидорского указала,

что на первом допросе скрыла факт появления женщины в белом платье с накидкой, поскольку боялась показаться ненормальной. Таинственная особа, с ее слов, похожа на ту, которую они с мужем видели на экране в кино.

Следователь захлопнул папку.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – осторожно спросила Кира. – Вчерашний инцидент... – она бросила быстрый взгляд на Виктора, – всего лишь недоразумение. Плод фантазии напуганной и расстроенной женщины.

– Целиком и полностью разделяю ваше мнение, – вежливо ответил Щегольков. – Но коль скоро у нас появилась еще одна пострадавшая дама – фигурант другого уголовного дела – и она находится за стеной в соседнем кабинете...

Кира вздрогнула.

– ...то, после соблюдения некоторых формальностей, мы, скорее всего, будем объединять два дела в одно. – Следователь бросил папку на стол и двинулся к выходу.

– Каких формальностей? – пробормотала Кира и перевела взгляд на Виктора.

Тот оторвался от созерцания пейзажа за окном, повернулся к ней и коротко приказал:

– Распусти волосы.

– Что? – девушка растерялась.

– Я говорю: сними заколку и расппусти волосы, – повторил Виктор.

– Может, ей еще и раздеться? – Николай поднялся со сту-

ла.

У Виктора дернулась щека.

– Когда мне было нужно, – сказал он, с презрением глядя на мужа, – она это делала с удовольствием. Но пока мне достаточно только снятой заколки.

Николай уже собрался что-то ответить, но Кира его опередила. Она поспешно расстегнула заколку и распустила волосы. «Потерпи, дорогой, – говорил ее взгляд. – Не поддавайся на провокации и грубость».

Через мгновение в кабинете снова появился Щегольков. Он поддерживал под руку женщину лет пятидесяти, в строгом брючном костюме и больших очках с затемненными стеклами.

– Георгина Адамовна Сидорская, – представил следователь.

Кира медленно поднялась со стула. Николай напряженно уставился на вошедшую. Виктор сложил руки на груди.

– Георгина Адамовна, – Щегольков наклонился к женщине, – посмотрите внимательно. Возможно, кто-то из присутствующих покажется вам...

Вопрос был явно лишним. Едва только дама переступила порог, как вздрогнула и ухватилась обеими руками за рукав следователя.

– Что-то не так? – участливо осведомился тот.

– Это она! – хрипло выдавила Георгина Адамовна, сняв очки и в ужасе таращась на Киру.

– Вам здесь кто-то знаком? – спокойно уточнил Щегольков.

– Это она! – Казалось, женщина стала задыхаться. – Та самая... В сквере... А потом ночью, на лестнице...

– Правильно ли я вас понял... – начал следователь, но Георгина Адамовна не дала ему договорить. Она бросилась к обомлевшей от страха Кире и вцепилась ей в волосы:

– С-сволочь...

Троим мужчинам не без труда удалось оттащить взбешенную женщину от журналистки.

Щегольков, который даже не рассчитывал на такой бурный результат «соблюдения формальностей», был явно доволен им, но поспешил увести рыдающую Георгину Адамовну в соседний кабинет.

Когда он вернулся, в комнате висела напряженная тишина.

Ошеломленная и напуганная Кира упала на стул и, закрыв лицо руками, беззвучно плакала. Виктор нервно барабанил пальцами по подоконнику.

– Вы считаете, – подал голос Николай, обращаясь к следователю, – что этот возмутительный спектакль похож на опознание или на очную ставку? Любой адвокат...

– Боюсь, что он вам действительно потребуется, – перебил Щегольков. – А то, чему мы только что были свидетелями, если возникнет необходимость, несложно запротоколировать с соблюдением всех процессуальных норм.

– Скажи, Кира, – Виктор отошел от окна, – ты понимаешь, что у меня могут появиться основания для твоего задержания? А может, и для ареста...

– Тому, что происходит, – пробормотал Николай, – наверняка есть какое-то объяснение...

– Мне бы хотелось его услышать, – кивнул следователь, присаживаясь за стол, – потому что я должен допросить Киру Андреевну в качестве подозреваемого.

– Подозреваемого – в чем? – Николай обнял жену за плечи. – В убийстве? Киру – в убийстве?

– Скажи, – Виктор продолжал обращаться к Кире, не обращая никакого внимания на ее мужа, – идея провести журналистское расследование по этим... случаям принадлежит тебе или твоему руководству?

– Руководству, – ответил за жену Николай. – Подготовить материал ей поручил главный редактор. И сказал, что это будет сенсация.

Виктор раздраженно повернулся к Щеголькову:

– Можно попросить заткнуться этого... рифмоплета?

Неожиданно Кира подняла голову. Ее глаза еще блестели от слез, но в них появилась решимость.

– Мне нужно два дня, – тихо, но твердо сказала она. – И я отвечу на все вопросы.

Кошкин и Щегольков переглянулись.

– Только два дня, – повторила Кира. – Я найду решение этой мистической загадки.

- А если вы скроетесь? – Следователь почесал щеку. – Если бросите нас, лишите своего общества?
- Это она может, – усмехнулся Виктор.
- Дайте мне два дня, – настаивала Кира. – Вы ничем не рискуете. У меня – подписка о невыезде, а у вас – распутанное дело на блюдечке.
- Хорошо, – поколебавшись, согласился Щегольков. – Будет вам два дня. Ищите разгадку, а заодно и доказательства своей непричастности.
- А как же презумпция? – поинтересовался Николай.
- Закрой пасть, умник! – не выдержал Виктор.
- А пока, – следователь вынул бланк протокола, – мне все равно нужно допросить вас... Порядок есть порядок.

Когда Кира с мужем покинули розовое здание прокуратуры и, пройдя через дворик, сели в машину, он взял ее за локоть:

- Зачем тебе эти два дня, любимая? Ты блефуешь? Что ты собираешься делать? Куда идти?
- Для начала – в кино, – она грустно улыбнулась. – Тем более мы с тобой целую вечность там не были.
- Куда? – Николай поморгал.
- В кинотеатр «Каскад», милый. На последний сеанс.

Глава третья

Юсси Вильевич Тукс был вне себя. Он ходил в своем кабинете из угла в угол, держа трубку у вспотевшего уха, и кричал:

– Послушайте, мы с вами так не договаривались! Я сделал все, как вы просили... Поручил расследование Кире... А теперь она оказалась впутанной в какую-то пренеприятную историю!.. Чего я так нервничаю? Это же скандал! Если конкуренты из других изданий пронюхают что-нибудь, мы потом не отмоемся очень долго! Я молодец? Я вовсе не молодец, что пошел у вас на поводу! Моей лучшей журналистке – конец! Но это еще полбеды. Репутация газеты – вот главное, понимаете? Я создавал эту самую репутацию годами, по зернышку, по крупинке. И все ради чего? Чтобы в один прескверный день все пошло к черту? Чего я кричу? Я кричу не так, а вот так: А-а-а-а!!! А с вами я не кричу, а взволнованно разговариваю... Я не знаю, какие у вас, в милиции, счета с моей журналисткой, но так не делают, понимаете? Так не делают! Вы хотите ее уничтожить моими руками и за мой, так сказать, счет... Вернее, за счет газеты. Я ни при чем?.. Не волноваться?.. А что мне, позвольте спросить, остается делать?.. Какую статью?..

Тукс перестал бегать и встал как вкопанный посреди комнаты.

– Что написать? – у него округлились глаза. – Вы это серьезно? Что значит – опередить конкурентов? То есть, вы считаете, что если я опубликую материал, в котором уничтожу и раздавлю собственную журналистку раньше, чем это сделают другие, то я буду на коне?... – Юсси Вильевич положил трубку и еще долго стоял, в задумчивости уставившись на собственные сандалии.

– Бред! – прошептал он. – Полный бред...

В дверь постучали.

Тукс вздрогнул, словно очнувшись, бросил телефон на стол и, запрыгнув в кресло, буркнул:

– Кто там еще?

В кабинете появился высокий, сухощавый мужчина лет шестидесяти с копной рыжевато-русых волос, подъеденных сединой.

– Секретаря, конечно, нет на рабочем месте! – громко, чтобы было слышно в приемной, сказал редактор. – И у нас проходной двор.

Рыжий пропустил мимо ушей эту неучтивость, закрыл за собой дверь и без приглашения уселся на стул в самом конце стола. Он неспешно раскрыл плоский портфель из грубой кожи и извлек из него номер «Петрозаводск Daily».

Тукс терпеливо ждал, что будет дальше.

Мужчина развернул газету, надел очки и углубился в чтение.

– Эй, – не выдержал Юсси Вильевич. – Кроме вас, здесь

еще и я имеюсь в наличии. Или вы думаете, что пришли в избу-читальню?

Незнакомец снял очки, ткнул ими в газету и, не глядя на редактора, вздохнул:

– Хорошая статья, но... несвоевременная.

– Вы о чем? – насторожился Тукс.

– Я хотел бы поговорить с вашей журналисткой... – мужчина опять поднес очки к глазам, – с Кирой...

– Как? – вырвалось у редактора. – И вы тоже?

– Почему – тоже? – рыжий наконец удостоил собеседника взглядом.

– Почему – тоже? С ней многие хотели бы поговорить, – усмехнулся Юсси Вильевич. – И я бы не отказался... По душам, так сказать... С отеческим ремнем... Но, увы, она сейчас выдернута из наших рядов неотложными делами. Спасает собственную репутацию и, возможно, свободу.

– Спасает свободу? – удивился незнакомец. – Ей разве что-то угрожает?

– Возможно, – уклончиво ответил редактор. – А вы... кто?

– Я хотел бы поговорить с Кирой, – повторил рыжий. – У нас есть весьма интересная общая тема для разговора.

– Вы из милиции? – на всякий случай уточнил Тукс.

Мужчина поморщился.

– Не хочу иметь ничего общего с этим ведомством. – Он расстегнул рубашку, и глазам Юсси Вильевича предстал выколотый на волосатой груди синий храм с множеством ку-

полов. Редактор не успел их пересчитать. Штук восемь, не меньше.

– Понятно, – кивнул он. – Как там в песне: «Столько лет платил я по счетам моих долгов...» Ну а Кира-то вам зачем? Вы с ней знакомы?

– Нет, – признался рыжий, застегивая рубашку. – Правда, когда-то я знал ее отца.

– Вот как? – удивился редактор. – Он разве тоже... с куполами?

– Косвенным образом, я именно из-за него попал в тюрьму.

– Надеюсь, – Юсси Вильевич откинулся в кресле, – вы не мстить собрались, уважаемый?

– Нет, – мужчина помотал головой. – Мне на него обижаться не за что. Хороший, сильный человек с очень непростой судьбой. То, что выпало на его долю – врагу не пожелаешь.

– Это верно, – согласился Тукс. – Он провел в разлуке с дочерью без малого четверть века.

– Они встретились? – рыжий открыл рот. – Это просто потрясающе. Я рад за них. Искренне... Тем более мне нужно поговорить. С ними обоими.

Юсси Вильевич покачал головой.

– Не знаю, не знаю... Мы не имеем права давать адреса и телефоны сотрудников. Кроме того, у Киры сейчас серьезные неприятности. Вряд ли ей будет до вас. – Редактор при-

поднялся в кресле. – А что за статью в нашей газете вы комментировали?

Рыжий положил номер на стол.

– Про остров Хойту...

Тукс поморщился. Он вспомнил этот материал двухлетней давности, из-за которого у него было столько неприятностей.

Весной 1998 года молодая, но уже известная, благодаря своим частым публикациям в «Петрозаводск Daily», Кира принесла на планерку очерк про таинственный остров, затерянный где-то в паутине карельских рек и озер у самой границы с Финляндией. Туксу тогда, помнится, материал не понравился.

– Что за детские фантазии? – разозлился он. – Вам Стивенсоном хочется стать или Верном?

– Они оба мужчины, – улыбнулась журналистка. – Да и фантастика здесь ни при чем. Я предлагаю читателю только факты.

– Я предлагаю читателю только факты? – кипятился редактор. – Какие факты? Что на острове Хойту, который действительно существует, схоронены несметные сокровища? Что этот остров охраняется таинственной умершей старухой, которая бродит по камням в саване и сжигает огнем всех, кто пытается добраться до сокровищ? Это, моя хорошая, что угодно – легенда, былина, сага о Форсайтах, поэзия Вагантов, доморощенный карельский фольклор, – только не фак-

ты!

– Это факты, – упрямо твердила Кира. – У меня сохранились письма, адресованные мне матерью. Мама писала их, находясь в тюрьме, когда я не то что читать – ходить не умела. Но все эти письма хранятся с тех пор у меня. Я пронесла их через всю жизнь. Прятала от жестоких сверстников в детском доме, от злых воспитателей в интернате. Я переезжала с места на место, и первое, что брала с собой, было не хлеб и не вино, а стопка пожелтевших материнских писем.

– В них написано про сокровища? – недоверчиво шурился Тукс.

– И про сокровища тоже, – отвечала девушка. – В них – история любви моих родителей, их трагедия и боль. Короткая вспышка счастья и черная, непроглядная темень разлуки.

– Непроглядная темень разлуки? – Юсси Вильевич снисходительно улыбался. – Ну а про золото и про старуху там что написано?

– Хойту – самый настоящий остров сокровищ, – заявила девушка. – Но туда никому хода нет. Призрак в саване бдительно охраняет богатства и несет смерть каждому, кто на них позарится. Наверно, это прямая аллегория нашей жизни. Взять то, что отобрано у других, запустить руку туда, где покоятся чьи-то боль и скорбь, значит – обречь себя на страдания, на муки, на смерть.

– Очень красиво, – оценил с усмешкой редактор. – По-

коится боль... обречь себя на муки... Но нам не аллегии нужны, а факты!

– Кто оценит эту историю – тот ее поймет, – возразила Кира. – А кто ее поймет – поверит ей...

За молодую журналистку вступился весь отдел, и редактор сдался.

Не прошло и недели, как он горько об этом пожалел. Тех, кто «понял» историю и, тем более, «поверил ей», оказалось так много, что редакцию целыми днями стали осаждать толпы энтузиастов, желающих отправиться на Хойту. В то время, как одна половина читателей писала гневные письма, в которых требовала от Тукса и его команды, чтобы «не морочили людям головы, а лучше бы занялись проблемой установки домофонов в подъездах», другая завалила мэрию проектами по организации экспедиции на остров сокровищ и предложениями о выделении средств на это. Пока в мэрии думали, в городе появилось общество с ограниченной ответственностью ХОЙТУ, которое в короткий срок получило инвестиции от частных лиц в размере трех миллионов долларов для реализации долгосрочного бизнес-проекта по освоению богатств острова. Собрав деньги, участники общества скрылись в неизвестном направлении, а обманутые вкладчики пришли в редакцию «Петрозаводск Daily» требовать возврат своих капиталов. Тукс был на грани инфаркта. В прокуратуре его заподозрили в том, что он умышленно распустил слухи о сокровищах, чтобы избавить недобросовестных

коммерсантов и, в особенности, чиновников от необходимости объяснять происхождение своих доходов. Теперь на вопрос налоговиков: «Откуда у вас два пентхауса в центре города?», любой мздоимец мог ответить: «Нашел сокровища на острове Хойту».

Но настоящая трагедия произошла спустя месяц. Группа студентов предприняла попытку добраться до острова и, разбив там палаточный лагерь, заняться раскопками. Молодые люди добрались до озер, снарядили неизвестное плавсредство и отправились на Хойту. Ни один из них не вернулся. Поисковые бригады спасателей две недели осматривали с вертолета окрестности. Студенты исчезли бесследно.

Вот почему Туксу было неприятно любое упоминание о проклятой статье.

– Вы верите в эту дребедень? – спросил он насмешливо.

– Как вам сказать, – пожал плечами рыжий. – Я был на острове Хойту.

Юсси Вильевич вытаращился на своего собеседника.

– Я был на острове Хойту? – в своей обычной манере переспросил он. – Ну, раз вы живы, значит, точно дребедень. Чепуха все – и старуха, и сокровища. Романтический бред молодой журналистки, не осознающей, какие последствия могут иметь подобные враки.

– Сокровищ я не нашел, – признался мужчина. – Но старуху видел...

– Вы это серьезно?

– Я даже разговаривал с ней. – Рыжий задумался. – Вернее, говорила она, а я онемел от страха.

Тукс вскочил с кресла и зачем-то сделал круг по комнате.

– И что же она вам поведала? – спросил он, остановившись.

– Зачем вам? – Незнакомец сложил газету и аккуратно убрал ее в портфель. – Вы же не верите в эту дребедень.

Редактор фыркнул.

– Знаете, я столько натерпелся из-за той статьи, что тоже считаю себя пострадавшим от старухи в саване, – и он засмеялся коротким смешком, приглашая собеседника разделить его иронию.

Но тому было не до смеха. Он провел рукой по лицу, словно смахивая горестные воспоминания, и пробормотал:

– Все, что сказала мне старуха – сбылось... Моя жизнь рухнула к чертовой матери в одночасье. А знаете, почему? – Он поднял глаза на Тукса. – Потому что жил скотом... Ну, мне пора... – Рыжий застегнул портфель и поднялся. – Так вы не дадите мне адрес Киры?

Редактор, подумав, махнул рукой:

– Дам...

Женщина в белом домотканом платье, с черной накидкой на плечах смотрела на Киру красивыми темными глазами, полными слез.

– Твой номер сорок три... – шептала она. – Смерть дышит

тебе в затылок...

Та сидела, потрясенная до глубины души, и такими же красивыми темными глазами смотрела на экран.

– Это же ты, родная... Это же ты! – Николай сжал ее руку. – Невероятно! Не могу поверить! – Он сам не заметил, что в порыве изумления кричит на весь кинотеатр.

Задние ряды зашикали:

– Хватит орать.

– Ведите себя прилично.

– Наверно, ему пива с попкорном не хватило...

На экране какие-то люди ссорились, кричали, угрожали. Неожиданно у женщины оказался в руках пистолет. Казалось, она вот-вот упадет без чувств.

– Вы убили нашего осведомителя, – сухо констатировал мужской голос. – И отомстили за своего любовника!..

Кровь... ночь... озеро... огни...

Экран давно погас, и в зале вспыхнул свет, а Кира все сидела, приложив пальцы к дрожащим губам, ошеломленная и притихшая. Николай тронул ее за локоть:

– Пойдем, любимая... Уже конец.

– Конец... – как эхо, повторила она.

Выйдя на улицу, они неспешно двинулись к машине, запаркованной у самого входа в кинотеатр. Пустынные ночные тротуары печально кивали им светом тусклых, покачивающихся на проводах фонарей. Кира молчала. Мысли путались

в голове, а рваные, противоречивые чувства дрожали в сердце наподобие сброшенных на подоконник кусочков старого письма.

– Та женщина... В фильме... – нарушил молчание Николай. – Она очень похожа на тебя. Как две капли воды.

– Или я – на нее, – пробормотала Кира.

Они сели в машину, Николай повернул ключ, но стрелки на приборной доске остались недвижимы.

– Тьфу! – не выдержал он. – Все как назло! Наверное, аккумулятор сдох.

Кира его не слышала. Она смотрела невидящим взглядом прямо перед собой и беззвучно шевелила губами.

– Я говорю: придется ловить такси, – Николай повернулся к ней. – Ну приди в себя, детка!

– Знаешь, что самое невероятное? – прошептала она. – Этот фильм от начала до конца – подлинная история жизни моей матери... Все, что та описывала мне в своих письмах, мы сейчас с тобой видели на экране.

Николай с сомнением покачал головой.

– Как такое возможно, милая? Это же кино!

Кира вдруг встрепелась:

– А какого года фильм? Ты не обратил внимание?

– Кино старое, – муж нахмурил лоб, что-то припоминая. – Вроде бы писали где-то, что картина была запрещена к показу, долго лежала на полке, и премьера состоялась только в наши дни.

– Значит, фильм снят давно... – задумчиво повторила Кира. – Надо будет разузнать о нем как можно больше. Завтра же попытаюсь связаться с прокатчиком.

– Знаешь, что? – Лицо Николая вдруг просветлело. – Только ты не обижайся, ладно? Не обидишься?

– Ну, говори, говори, – поторопила она.

– Я думаю, что твоя мама когда-то очень давно, посмотрев фильм, просто пересказала всю эту историю в своих письмах. Нам всем хочется, чтобы наша жизнь походила на роман или на приключенческую повесть.

– Ты же сам говоришь, что картины в прокате не было, – возразила Кира. – И, кроме того, как объяснить наше потрясающее сходство с героиней?

– Вот это – загадка, – согласился Николай. – А может, твоя мама была актрисой? Сыграла роль в этом фильме, а потом так расчувствовалась, что вообразила жизнь своего персонажа своей собственной жизнью. Это бывает у больших артистов. Они так вживаются в образ, что потом долго не могут из него выйти.

– Я родилась в тюрьме, – напомнила Кира. – Значит, по крайней мере эта часть жизни моей матери – реальная, а не киношная.

– А что, актриса не могла попасть в тюрьму? – пожал плечами Николай.

– После того, как снялась в фильме, который ей эту тюрьму пророчил?

– Такое тоже бывает... – Он вздохнул. – Во всяком случае, эта версия более правдоподобна, чем та, на которой ты настаиваешь.

– Я ни на чем не настаиваю, – сказала Кира. – Я сама ничего не понимаю. В голове – хаос... Знаешь, что? – Она трянула головой. – Поймай мне такси, милый. Я хочу собраться с мыслями, привести в порядок чувства. А ты реанимируй свой аккумулятор и приезжай поскорей.

– Как же я отпущу тебя одну? – Николай нахмурился.

– До дома – пятнадцать минут, – Кира улыбнулась. – И не бросать же тебе машину здесь, посреди улицы. – Она чмокнула его в щеку. – Я буду ждать тебя...

На следующее утро в квартире журналистки раздался телефонный звонок. Сонный Николай схватил трубку.

– Это Кошкин. – Голос на том конце провода был холоден.

– Вам Киру? – хрипло поинтересовался муж.

– А она дома?

– Кажется, на кухне. Что-то опять стряслось?

– Стряслось. – Виктор, похоже, обдумывал, как преподнести новость «рифмоплету». – Короче, в городе еще один труп...

– Что? – Николай протер глаза и сел в кровати.

– Что слышал. Уши не мыл? Еще одно убийство, точь-точь как два предыдущих. И тоже при свидетеле. Погибший – некто Малиновский из Санкт-Петербурга. Все, как и

прежде: женщина в черной накидке, «твой номер – сорок три», пуля в затылке, падение из окна.

– Не может быть! – ахнул Николай.

– Где твоя жена была вчера вечером? – Виктор перешел в наступление.

– Мы оба были... в кино.

– Где?!

– В кинотеатре «Каскад» на последнем сеансе.

Трубка на секунду затихла. Виктор, казалось, еще не привык к совпадениям.

– А что было потом? – спросил он тихо.

– Поехали домой.

– Вдвоем?

Николай запнулся.

– Понимаете... Кира уехала раньше... У меня сел аккумулятор.

В трубке опять возникла пауза.

– В котором часу вы были дома? – спросил Виктор.

– Что-то около трех.

– А жена?

– Когда я приехал, она была в постели, – твердо ответил Николай. – В ночнушке...

– Мне неинтересно, в чем вы оба спите! – огрызнулся Виктор.

– Вам позвать Киру?

– Не нужно...

Николай положил трубку и еще долго в задумчивости смотрел на нее.

– Кто там, милый? – донесся с кухни голос жены.

– Это меня... – неуверенно откликнулся он. – С работы.

Пошел отсчет двум дням, выпрошенным Кирой у следователя. Успеть нужно было невообразимо много, но сейчас ее интересовал только вчерашний фильм.

В одиннадцать часов утра она нанесла визит в офис фирмы «Петросинема» – официального представителя прокатчика в городе.

– «Сорок третий номер»? – переспросили там. – Убогая лента. Это наш прокол. Мы полагали, что зрители толпами пойдут на фильм, запрещенный в советское время, но ошиблись. Картина не собирает в прокате и половины того, на что мы рассчитывали.

– Могу я получить аннотацию? – не унималась Кира.

– Что вы имеете в виду?

– Год выпуска, киностудия, творческий коллектив создателей.

– Не можете.

– Вот как? – удивилась журналистка. – Почему? Эта услуга платная?

– Эта услуга бесплатная, просто мы не можем ее оказать. Видите ли, у нас нет такой информации. Это нонсенс, конечно, но – факт.

– Разве так бывает? – Кира открыла рот. – А титры?

– Титров нет! Представляете, ни заявочных, ни финальных! Спасибо, хоть название осталось.

– А существует электронная копия этого странного фильма? – любопытствовала она.

– Насколько нам известно, издатель отказался от релиза. Впрочем, узнайте у него сами.

Визит к издателю оказался более результативным. Кира получила электронную версию картины в формате DVD, выложив за нее кругленькую сумму.

– Вам повезло, – заверили на фирме. – Перегон материала в цифру обходится гораздо дороже. Просто у нас уже есть матрица. Готовились к тиражу, но в последний момент отказались от этой затеи.

– Да, мне повезло, – согласилась Кира. – Теперь у меня появятся ответы на некоторые вопросы.

С диском в руках она отправилась через весь город к своему старому знакомому – Олли Куусинену. «Компьютерный гений» и просто добрый малый, он работал системным администратором в одной серенькой конторке по продаже оргтехники.

Кире он обрадовался необычайно.

– Привет, старушка! Каждый раз удивляюсь, какая ты красавица! – Олли чмокнул ее в щеку. – Жаль, что ты редко навещаешь малыша Куусинена.

– Привет, малыш Куусинен! – в тон ему ответила Кира. –

У меня к тебе дело...

– Почему я не удивляюсь, – вздохнул тот. – О малыше вспоминают, только когда от него что-то нужно.

– Не обижайся, – улыбнулась она. – Просто у меня большие неприятности, а ты мне можешь помочь. Давай посмотрим с тобой одну занимательную киношку.

Почти три часа они сидели перед монитором компьютера голова к голове, прокручивая снова и снова кадры загадочного фильма.

– Когда ты все успеваешь? – скалился Олли. – И фельетоны писать, и в кино сниматься!

– Не отвлекайся, – хмурилась Кира. – А лучше прокрути-ка еще вон ту сцену. А этот кадр распечатай.

Куусинен запустил принтер.

– Дашь автограф? – куражился он. – А то у меня после тебя никогда ничего не остается.

– Как? – притворно удивилась Кира. – А запах духов, а теплые воспоминания?

– И еще эрекция, – добавил Олли.

– Ну, про это мне неизвестно. – Она сдула со лба прядь и вдруг посерьезнела: – Стоп! Верни-ка предыдущий кадр!

На экране застыла картинка, и Кира, приблизив лицо к монитору, внимательно ее рассмотрела.

Женщина в кадре стояла у стены. Ее красивое лицо изображало муку, глаза были страдальчески возведены вверх, а губы кривились в отчаянии. Очевидно, только что прозвучал

фатальный выстрел, изменивший ее судьбу. Открытые плечи забрызганы кровью, а пистолет в руке безвольно опущен.

– Давай увеличим, – попросила Кира. – Насколько возможно.

Олли пощелкал «мышью».

– А еще?

– Дальше уйдем в расфокус, – объяснил он.

– Попробуй, миленький! – взмолилась Кира. – Ты ведь все можешь.

– Знаешь, – усмехнулся Куусинен, клацая клавишами, – был такой фильм Антониони, шестидесятых годов... Там фотограф при помощи многократного увеличения снимка сумел обнаружить убийцу. Ты того же добиваешься?

– Возможно. – Она закусил губу. – Давай, еще крупнее!..

– Нужно переформатировать изображение, – развел руками Олли.

– Переформатируй! Сам говоришь: даже в шестидесятые такое было возможно, а уж при нынешней технике!..

Виктор нервничал. События последних дней выбили его из колеи. Работа не ладилась, начальство намекало, что четвертую звезду на погон он получит еще не скоро, кривая раскрываемости на грязном куске ватмана в его кабинете неумолимо ползла вниз и уже почти слилась с осью координат. А на душе творилось и вовсе форменное безобразие. Он даже вспомнить не мог, когда последний раз в нем с такой си-

лой боролись оперативник с любовником. Чувства к Кире вспыхнули вновь, и потушить этот пожар могло только время. Немалое время.

Вместе с тем Кошкин испытывал огромное желание проучить эту взбалмошную девчонку, отомстить ей за измену и унижение.

«Предоставлю все на откуп судьбе, – решил он. – Если обнаружится, что журналистка из «Петрозаводск Daily» в чем-то виновата, спущу с нее три шкуры, лично защелкну наручники на ее тонких запястьях! А нет – так пусть катится с миром».

Но Виктор, похоже, врал себе. Ему очень хотелось, чтобы Кира оказалась невиновной. Он был готов ждать и два дня, и десять, цепляться за любую соломинку, способную вытащить ее из неприятностей. Однако у судьбы, которой он все предоставил на откуп, было, вероятно, на этот счет особое мнение.

Третье убийство теперь уже проходило эпизодом в рамках одного уголовного дела, расследование которого поручили Щеголькову. У Виктора для Щегла был сюрприз. Открытие, которое он сделал пять минут назад, изумило его и привело в смятение. Единственное, о чем Кошкин не мог с уверенностью сказать, – поможет ли этот сюрприз следователю в его работе. Скорее всего – повредит. Чем больше мистики и диких, необъяснимых фактов, тем труднее сплести версию, сложнее установить истину.

Он выскочил из Управления, сбежал по ступенькам служебного входа и у самой машины нос к носу столкнулся с Кирой. Та поджидала его на солнцепеке, обмахиваясь картонной папкой, в которой фотографии обычно разносят выполненные заказы.

– Тебе чего? – грубо спросил Виктор. – Закончила расследование?

– Знаешь, – Кира вздохнула, – хоть я и попросила два дня на собственную ОРД¹, мне все-таки без твоей помощи не обойтись.

– Ты ставишь меня в дурацкое положение, – пробормотал он. – Ведь если ты виновата, то, получается, я сам...

– Не виновата! – Кира стукнула кулаком по крыше его автомобиля. – Но у меня есть проблема...

«Начинается! – мелькнуло в голове у Виктора. – Я ведь догадывался, что у нее рыло в пуху. Где-то все-таки засветилась, журналисточка вездесущая...»

– Ты оказалась в неподходящее время в ненужном месте, верно? – насмешливо спросил он.

– Не совсем так... – Кира замялась. – Понимаешь, я не смогу доказать свою невиновность, потому что ее никто не сможет доказать...

Кошкин расхохотался.

– Иными словами, – сказал он, – ты признаешь свою вину. Суди сама: если никто не может доказать невиновность

¹ ОРД – оперативно-розыскная деятельность.

человека, значит, он виновен.

– Все наоборот, – возразила Кира. – Если никто не сможет доказать вину человека, то он невиновен. А в нашем случае виновность его никто не докажет!

– Что ты хочешь от меня?

– Витя, выслушай то, что я тебе скажу, без эмоций и ерничанья. – Она взяла его за руку. – Я почти убеждена: в этом деле вообще нет виновных.

– Да? – удивился тот. – А покойнички наши сами себе в затылок стреляли?

– Нет, не сами, – спокойно ответила Кира. – Но того, кто стрелял, нам не найти никогда, потому что его... то есть, ее... попросту нет на этом свете.

– Убийца привидение?

– Пожалуй, так... – Девушка вдруг перешла на шепот: – Это – женщина из фильма «Сорок третий номер».

Виктор раздраженно выдернул руку.

– Знаешь, – сказал он, – я далек от мысли, что умная, образованная девушка способна верить в подобную чушь. Поэтому я делаю иной вывод, более правдоподобный: ты умышленно водишь меня за нос! С самого начала, с нашей первой встречи во дворе на Парковой улице, ты уже точно рассчитала, как воспользуешься мной. Но я тебя разочарую: когда дело подойдет к развязке и когда на столе у следователя будут лежать доказательства твоей причастности к этим убийствам, я лично – слышишь? – лично арестую тебя!

– Баллистика готова? – вдруг спросила Кира.

– Что? – не понял Виктор.

– Я говорю: баллистическая экспертиза готова?

– Не важно. – Он сделал вид, что собирается садиться в машину.

– Нет, важно! – Кира дернула дверцу на себя. – Давай честно: ты мне – историю ствола, а я тебе – его номер!

Виктор усмехнулся.

– Ты все-таки ненормальная...

– Говори! – потребовала она. – Будь спокоен, я не блефую.

Кошкин, так и не сев в машину, захлопнул дверцу и сложил руки на груди.

– Значит, так... У «Вальтера» этого – давняя судьба. Когда-то он даже был на вооружении у специальной группы по приведению в исполнение смертных приговоров. Последний раз он фигурирует в картотеке по уголовному делу какой-то бабы... Она укокошила гэбэшного сексота за то, что тот сдал ментам ее сожителя.

– Все правильно, – кивнула Кира. – И было это в конце семьдесят третьего, верно?

– Возможно, – прищурился Виктор. – А ты откуда так осведомлена?

– Эта «баба» – моя мать.

– Ага, – кивнул он. – Значит, все правильно. Твоя мать застрелила человека, и теперь ты хочешь сказать, что яблоко от яблони...

Кира раскрыла папку и достала из нее пестрый снимок.

– Смотри.

Виктор уставился на фотографию.

– Что это?

– Это номер твоего «Вальтера», – торжествующе, ответила девушка. – Проверь...

– Откуда он у тебя? – Виктор колебался.

– Проверь, – настаивала Кира.

Тот нехотя потянулся за телефоном.

– Сплошной бред... Почему я все время иду у тебя на поводу?.. Алло, Серега... Да, это я... Не в службу, а в дружбу... Хотя, в службу – тоже... Глянь-ка результат экспертизы... У меня на столе, справа... Нет, не в сейфе, а на столе... Да, баллистика... Нет, не то взял... Там другой лист... Да, ствол, фигурирующий по последним эпизодам... Ага! Верно. Номер зачитай. Как?.. Полста восемь, так... Тринадцать... Спасибо. – Он убрал телефон в карман и, улыбаясь, протянул Кире снимок. – Не тот.

– Как, не тот? – ахнула та.

– А вот так, – он развел руками. – Номер ствола – другой. Ты опять захотела меня подурочить, да?.. Знаешь, что я тебе скажу?..

У Виктора в кармане заиграла мелодия.

– Я тебе скажу, что ты... – Он поднес трубку к уху. – Да, Серега... По «Вальтеру», конечно! А ты по чему диктовал?.. При чем здесь «ТТ»?.. А у «Вальтера» какой? – Виктор вы-

дернул из рук Кире фотографию. – Четырнадцать... так... девяносто семь... так... двадцать один... – Он нажал «отбой» и устало опустил руки.

– Ну что? – Кира торжествовала.

– Откуда у тебя этот снимок? – Кошкин прищурился. – Ты держала в руках пистолет?

– Эта фотография – увеличенный на компьютере и распечатанный кадр из фильма «Сорок третий номер», – с расстановкой произнесла она. – И я это могу доказать.

Виктор нервно вытер ладонью лицо.

– А это значит... – Он растерянно повертел в руках снимок. – А это значит...

– Это значит, что и оружие убийства, и сама убийца находятся по ту сторону экрана, – закончила за него Кира.

– Я в это ни за что не поверю, – помотал головой Виктор. – А следователь и подавно. Знаешь, что здесь не клеится? Ствол-то существовал реально! И даже оставил след в нашей картотеке!

– Но ведь и мама моя существовала реально! – запальчиво возразила она. – И тоже оставила след в вашей картотеке. Пойми: таинственный и неизвестно откуда взявшийся фильм – точное описание происшедшего с ней. А женщина, похожая на меня, – моя мать! Вот почему я сказала, что убийцу никто не найдет!

– Выходит, ты допускаешь, что мамаша твоя настолько кровожадна, что способна стрелять в затылок ни в чем не

повинным людям?

Кира закусила губу.

– Ты попал в точку, – тихо сказала она. – Это единственное, что не укладывается у меня в голове. Мамин образ... Ее письма...

– А у меня это далеко не единственное, что не укладывается в голове! – перебил Кошкин. – Здесь все от начала и до конца – бред! Нелепость! Фантаσμαгория. Вот смотри, – он извлек из кармана маленький целлофановый пакет. – Это мой сюрприз Щеглу. Здесь три билета в кинотеатр «Каскад»...

– Почему три? – поинтересовалась Кира.

– Потому что три убийства, – просто ответил Виктор. – А ты не знала? – Он внимательно посмотрел ей в глаза.

– Н... нет. Я знаю только о двух.

– Последнее было совершено вчера вечером.

У Киры опустились руки.

– Мне никто не поверит! – она чуть не плакала. – Завтра твой Щегол вызовет меня на очную ставку – и конец. Третий эпизод, третий свидетель... Меня арестуют, Витя!

– Тем более дослушай, – невозмутимо продолжал тот. – У следователя наверняка возникнет вопрос: почему, Кира, вы столь избирательны в выборе жертв? Заранее обдумай, что ответить.

– Ты издеваешься?

– Взгляни, – Виктор достал из пакетика билеты. – Один и

тот же фильм, один и тот же сеанс, только даты разные... А теперь посмотри на место! Одно и то же на всех билетах!

– Сорок три... – пролепетала Кира.

– Я проверил: кресло под номером сорок три – единственное в зале. Оно есть только в седьмом ряду – он самый длинный.

– А это значит... – теперь и она растерянно моргала. – Это значит...

– Ничего это не значит! – буркнул Виктор. – Полная туфта. Еще одна мистическая загадка. Твоей мамаше, или кому там еще... не по нраву зрители, оказавшиеся на сорок третьем сиденье. Она их вылавливает по одному, говорит, мол, твой номер сорок три, уважаемый? Тогда получи пулю. Щегол будет в восторге!

– Что мне теперь делать? – У Киры на глазах выступили слезы. – И что собираешься предпринять ты?

– Что тебе делать – не знаю, – честно признался Виктор. – Езжай домой и никуда не выходи по вечерам. Хоть какое-то алиби. А мне сегодня предстоит поход в кино...

– Что? – она не верила ушам.

– Последний сеанс. Сорок третье место...

Дома на пороге ее встретил отец. Он нервно поглаживал усы, как делал всегда, когда был чем-то встревожен или расстроен.

– Мне нужно поговорить с тобой, девочка...

– Пап... – она бросилась ему на шею и, уже не сдерживая себя, разрыдалась.

– Знаю-знаю, – он гладил ее по волосам. – Нелегко тебе сейчас, родная.

– Я не понимаю ничего, – всхлипывала Кира. – Я не знаю, что мне делать. Происходит что-то чудовищное и необъяснимое. Помоги мне, папа!

– За этим я здесь. – Он взял дочь за плечи и заглянул ей в глаза. – Я появился в твоей жизни, чтобы оберегать тебя от невзгод. Вместе мы найдем выход из любого положения. Ты верь мне...

Они прошли в гостиную, Кира привычно бросила сумку на стул, а папку положила аккуратно на телевизор, рядом с фотографией. Женщина в белом платье по-прежнему грустно смотрела со снимка на мужа и дочь. Казалось, стоит только очень сильно захотеть, и она шевельнется, вздохнет и произнесет наконец что-то очень важное. Кире сейчас, как никогда, нужны были эти слова.

– Скажи, папа, – она внимательно взгляделась в фотографию, – откуда у тебя этот портрет?

– Мне подарила его твоя мама в нашу самую первую встречу, – отец сел в кресло. – Почему ты спрашиваешь?

Кира раскрыла папку и достала из нее точно такой же снимок, только поменьше.

– Эта фотография сделана из фильма «Сорок третий номер».

– Что за фильм? – удивился отец.

– Я сама не знаю, – горько вздохнула она. – О нем неизвестно ничего, ни кто его снимал, ни кто в нем снимался. Ничего, кроме одного: он слово в слово повторяет то, что писала мне мать в своих письмах – историю ее любви и ее непоправимой беды.

Отец покачал головой.

– Знаешь, – сказал он, – вот об этих письмах я и хотел с тобой поговорить.

– Давай, поговорим, – согласилась Кира. – Мне тоже нужно о многом тебя расспросить.

– Помнишь, – отец погладил усы, – в нашу первую встречу, когда мы были на седьмом небе от обретенного счастья, я попросил тебя об одном одолжении?

– Да, – ответила она. – Ты просил меня отправиться с тобой на остров Хойту. Ты говорил, это очень важно для нас обоих.

– Я и сейчас это повторяю, – отец встал. – Хойту – злой гений и одновременно талисман нашей семьи. Он соединил нас с твоей мамой, и он же разлучил. То, что является трагической, неразрешимой загадкой для одних, для нас с тобой – единственный путь к раскрытию тайны и обретению счастья.

– Но мы ведь и так счастливы, – возразила Кира.

– Это верно, – отец обнял ее. – Мы отныне одна семья, и это главное. Однако жизнь продолжает подбрасывать нам трагедии и беды. Наш визит на остров – спасение от них. Ко-

гда-то твоя мать сказала мне: «На Хойту никому ходу нет, кроме тебя и... еще одного человека. Твоей дочери... Настанет день, и вы появитесь там, чтобы стать богатыми и счастливыми».

– Богатыми? – с сомнением переспросила Кира. – Мама писала, что золото, запятнанное чужой кровью, никого не делает счастливым.

– Глупышка, – отец покачал головой. – Любое золото всегда в чьей-то крови. Так устроен мир. Но дело даже не в этом. Остров Хойту – не просто остров сокровищ. Он – путь к воссоединению душ. Нам предначертано там оказаться, и мы должны...

– Папа, – перебила Кира, – ты помнишь, что я тогда ответила? Я показала тебе последнее мамино письмо, которое помню наизусть. «Не поддавайся соблазнам и искушениям, – писала она. – Не пытайся никого облагодетельствовать или удивить своим появлением на острове. Ты не можешь попасть туда, пока страдает душа, пока не кончится срок *воздушным мытарствам*. Будет день, и ты придешь на Хойту. Но не за золотом и не за славой. А за тем, чтобы понять, что в жизни главное, без чего нет спасения. Когда настанет такой день – ты почувствуешь сама. Или я подскажу тебе...»

– Вот! – Отец многозначительно поднял палец. – «Или я подскажу тебе...» Дочка, я ведь с того нашего давнего разговора ни разу не затрагивал эту тему. Не хотел тревожить тебя или причинять тебе боль. Я молчал... до сегодняшнего дня.

Кира вопросительно подняла на него глаза.

– А что сегодня?

– Тебе не кажется, что последние события – знак? – спросил отец. – Череду необъяснимых и жутких происшествий – убийств, таинственных совпадений, фатальных пророчеств – объединяет одно: женщина в белом платье с черной накидкой на плечах. Женщина, с которой вы так похожи.

– Что ты имеешь в виду? – пролепетала Кира.

– «Или я подскажу тебе...» – шепотом процитировал он. – Я думаю, дочка, что тот день, о котором тебе говорила мать, настал.

В комнате повисла тишина, изредка нарушаемая шорохом занавесок, трепещущих от летнего ветра на распахнутом настежь окне.

– Знаешь, я тоже об этом думала, – призналась Кира. – Все, что происходит в последнее время, не имеет рационального объяснения. Бред, мистика, фантазмагория, как сказал один мой знакомый. Таинственный фильм... Станным и страшным образом возникшая мама... – Она бросила взгляд на фотографию. – Я хотела тебя спросить, папка... Это глупо, наверное, а может, даже кошунственно...

– Спрашивай смело, – кивнул тот.

– Моя мать... Она... – Кира запнулась. – Словом, она способна на убийства?

– Ты же знаешь, – вздохнул отец. – Она отомстила за меня и поплатилась за это своей жизнью.

– Я имею в виду – на убийства ни в чем не повинных людей. Убить человека, купившего по глупой случайности билет в седьмой ряд, на сорок третье место, только для того, чтобы подать мне знак... Чтобы «подсказать»...

– Сложный вопрос, – отец погладил усы. – Выходит, что способна...

– Как такое возможно? – выдохнула Кира. – Эта жестокость не укладывается в ее образ, в ее письма...

– Но ведь и старуха на острове убивает всех подряд, – возразил отец. – Наверное, там... – он воздел глаза к потолку, – свои законы...

– Высший закон – один, – жарко запротестовала девушка. – И он известен людям.

– Как бы там ни было, мы получили знак. Неприятности и беды сыпятся одна за другой. Ты еще не все знаешь, дочка... – Он неохотно потянулся к ящику секретера и достал из него газету. – Это сегодняшний номер «Петрозаводск Daily».

Кира схватила печатный лист со знакомым логотипом и похолодела. На первой полосе иудиным поцелуем чернел заголовок: «СМЕРТЕЛЬНАЯ КИРАмантия. Самонадеянная журналистка подозревается сразу в двух убийствах!»

Буквы поплыли перед глазами, а в сердце ледяной болью обрушилось отчаяние.

– Нет!.. Только не это!.. Они не могут так со мной поступить!..

«Удивительное дело, – ерничал автор статьи, – как слава

и мнимый успех способны кружить людям головы. Но это полбеды. В их адском арсенале – метаморфозы посерьезнее. Погоня за рейтингом и деньгами нередко заканчивается железным лязгом тюремных засовов...»

Кира почти не дышала.

«Журналистка нашего издания, еще вчера дразнившая умных и порядочных читателей байками про сокровища острова Хойту и старуху в саване, убивающую людей, теперь сама решила на убийство! Когда падает рейтинг и популярность, а потная ладошка уже привыкла к высоким гонорарам, остается идти ва-банк...»

Слезы закапали на газетный лист, размывая злые, черные строчки.

«Убийству вообще нет оправдания, а уж убийству ради интрижки – подавно. Наша Кира вызвалась вести журналистское расследование преступлений, которые сама же и совершила. Чем не блесна для доверчивого и всеядного обывателя? Пользуясь своей схожестью с актрисой, исполняющей главную роль в фильме, который рискует провалиться в прокате, она подкарауливала свои жертвы возле кинотеатра и пугала их зловещими предсказаниями. Возможно, поначалу это выглядело просто дурацкой игрой – праздной и глупой, но потом детские страшилки показались Кире цветочками. В ее руке блеснул револьвер. Она перешла к ягодам...»

Газета дрожала в ее руках, а из горла рвался наружу хрип-

ЛЫЙ СТОН.

«Журналистка заигралась в мистику. Ее гадание по шершавой ладони успеха превратилось в по-настоящему смертельную хиромантию. Ей невдомек, что она в ответе за гибель студентов, по-мальчишески наивно поверивших ее рассказам про сокровища острова. Ей непонятно возмущение коллег и презрение общества. Ведь юридически она чиста. Но безнаказанность породила новый порок. Две бесценные человеческие жизни брошены к ногам золотого тельца, холодным колонкам рейтинга, отданы на растерзание беспринципности, жадности и тщеславию...»

Казалось, еще мгновение, и Кира упадет без чувств. Такого удара она не могла ожидать. Это был конец. Однозначный и безвозвратный.

«Наше издание гарантирует вознаграждение каждому, кто сможет пролить свет на другие деяния (теперь уже – не нашей) Кире, которые остались до поры до времени скрытыми от право-охранительных органов и от людского негодования. АННА ЗАВАДСКАЯ (спец. корр.)»

Кира опустилась в кресло и закрыла лицо руками.

– Знаешь, что я думаю? – сказал отец. – Если ты не отправишься на остров, тебя ждет судьба твоей матери. А я себе этого никогда не прощу...

Женщина в белом домотканом платье смотрела на него с экрана своими прекрасными глазами. Печаль и страдание

переполняли каждое ее движение, каждый вздох.

– Твой номер сорок три... Сорок три...

Виктор, раскрыв рот, таращился на свою Киру и беззвучно шевелил губами. Он приготовился к любому сюрпризу, но то, что ожидало его здесь, на последнем сеансе в кинотеатре «Каскад», не укладывалось в его прагматичное сознание ни под каким углом. Экранная, ненастоящая Кира ухаживала за ним, признавалась ему в любви, пророчила что-то печальное и безысходное, защищала его от преследователей и убийц, и сама с пистолетом в руке оказалась пойманной и погубленной.

«Надо будет запросить то уголовное дело семьдесят третьего года и внимательно изучить его, – сказал он сам себе. – Во всей этой истории и впрямь есть что-то фатальное и мистическое».

Когда в зале вспыхнул свет, Виктор растерянно огляделся. Немногочисленные зрители медленно потекли к дверям со светящейся табличкой, негромко переговариваясь и позевывая. Кошкин некоторое время сидел неподвижно на своем сорок третьем месте, потом встал и тоже направился к выходу.

Он чувствовал себя странно. С одной стороны, он понимал, что загадочная женщина, похожая на его любимую, была выдумкой, картинкой, невзаправдашним киношным персонажем. С другой – его отрезвляла мысль, что за этими настоящими стенами, на ночных, невыдуманных улицах про-

исходят хладнокровные, всамделишные убийства.

Вот и сейчас, стоит только обойти здание кинотеатра, пересечь цветущую аллею сквера, и можно наконец увидеть того, кто поджидает свою добычу, услышать зловещий шепот: «Твой номер сорок три...», и почувствовать затылком холодную сталь взведенного «Вальтера».

Виктор – не трус. Он готов к нападению. У него у самого имеется пистолетик, в котором один из восьми патронов уже в патроннике. Но все это действительно, когда убийца – плотский, осязаемый. А если нет?..

Кошкин похолодел. На какое-то мгновение он вдруг поверил в то, над чем пару часов назад готов был потешаться. А если убийца – ненастоящий человек?.. В смысле, привидение, призрак, сошедший с экрана или вылезший из могилы... Тогда – что? Тогда ни смелость не поможет, ни пистолетик с загнанным в казенник патроном. Нет, понятно, что это все чушь, страшилки из комиксов, ужастики по рупь двадцать!.. Ну а вдруг?..

Ему стало не по себе. Он остановился за углом кинотеатра и осмотрелся. Теплый ветерок гонял по асфальту обрывки оберточной бумаги и картонный стаканчик из-под мороженого. Притихшие улицы медленно остывали после дневного зноя и устало прятались в темноту, дрожа оголенными фонарным светом коленками. Утопающие в ночи деревья шуршали черной листвой. Где-то лаяла собака.

Виктор нащупал под пиджаком кобуру, мотнул головой,

разминая уставшую шею, и, медленно перейдя дорогу, двинулся в глубь сквера. Ему в спину бил желтый свет умирающего прожектора, установленного на крыше кинотеатра, и длинная тень, которую он отбрасывал перед собой, терялась в плотном частоколе кленовых стволов и переплетении ветвей. Сонная аллея глотала его шаги, как дворняга, лизала ему руки мягким, влажным языком. Он чувствовал лицом и ладонями свежесть фонтана, который в этот поздний час попросту забыли выключить в парке и который теперь умоляюще нашептывал что-то ближайшим деревьям.

Неожиданно в кустах раздался шорох. Виктор остановился и прислушался. Справа от него хрустнула ветка, и кто-то, невидимый, скользнул в сторону и замер, выжидая, что будет дальше. Кошкин медленно достал табельный ПМ, направил его в темноту и произнес:

– Выходим спокойно, без суеты, держа руки над головой! На счет «раз»!

Тот, кто притаился за деревом, не шевелился.

– Раз! – скомандовал Виктор и снял большим пальцем предохранитель.

Опять хрустнула ветка, но таинственный некто продолжал играть в прятки.

– Тебе конец, тварь! – Кошкин заводил сам себя, раззадоривал, чтобы вытолкнуть страх. – Сейчас я прострелю тебе башку! Патрон в патроннике, «Макар» снят с предохранителя. Я действую по обстановке. Предупредительного не будет!

– Успокойтесь! – услышал он мужской голос. – Я выхожу и держу руки над головой!

Зашуршали ветки, и через секунду из кустов появилась щуплая фигура.

Виктор вгляделся в нее и опустил пистолет.

– Ты что здесь делаешь, суслик дефлорированный?

Николай, продолжая держать руки поднятыми, нервно усмехнулся:

– Наверное, то же, что и вы. Караулю убийцу.

– Умно, – кривясь в улыбке, оценил Кошкин. – Сам додумался сидеть в засаде или подсказал кто?

– Нужно спасти Киру! – ответил Николай. – У нее остался один день. Вы бездействуете. Что мне еще оставалось?

– Я мог прострелить твою прилизанную башку, – огрызнулся Виктор. – И тогда был бы еще и четвертый эпизод по этому делу. Убирайся отсюда, спасатель. Мыслитель хренов.

– Послушайте, вам не надоело? Вы не можете простить мне Киру и поэтому злитесь? Хотите свести счеты или выяснить отношения – извольте.

Кошкин шагнул к нему и взял пальцами за подбородок.

– Когда я захочу выяснить с тобой отношения, я выдавлю из тебя все рифмы вместе с жидким стулом! А пока я просто по-человечески прошу: вали отсюда. Дуй к жене, которая ждет тебя в ночнушке.

– Хорошо, – согласился Николай, – я уйду. Но завтра же

я отправляюсь к прокурору! А потом – в ГУСБ². Я подробно расскажу им, как вы ищете там, где светло, как проводите «очняки» без должного соблюдения процессуальных норм, как угрожаете...

– Отправляйся завтра хоть к президенту, – кивнул Виктор. – А пока дуй домой. И это... Руки можешь опустить, храбрец.

Он проводил взглядом удаляющуюся фигурку, чернеющую скорбным силуэтом в лучах прожектора, постоял, что-то прикидывая в уме, потом неожиданно понюхал собственные пальцы и поморщился:

– Дерьмо!..

² ГУСБ – Главное управление собственной безопасности.

Глава четвертая

В половине одиннадцатого утра, когда Юсси Вильевич только-только закончил планерку и отпустил сотрудников по рабочим местам, дверь распахнулась, и в кабинет ворвался оперуполномоченный Виктор Кошкин.

– Что вы себе позволяете? – нахмурился Тукс.

– Это что вы себе позволяете! – Виктор швырнул на стол вчерашний номер «Петрозаводск Daily». – Здесь, я так понимаю, работают сплошные вруны и подлецы!

– Выбирайте выражения, това... молодой человек! – Редактор с достоинством выпрямился. – Вас что-то не устраивает в наших публикациях? Вы не согласны с авторами? Задеты ваши честь и достоинство? – Он вдруг вскочил из-за стола и указал на дверь: – В суд! Жалуйтесь, пишите иски! В суд! У нас правовое государство, милостивый... молодой человек!

– Какое еще достоинство? – с презрением переспросил тот. – У нас, как вы верно заметили, правовое государство. – Виктор шумно сел на стул. – Значит, назвать человека преступником, а тем более убийцей, вправе только суд. Суд, который вы только что дважды упомянули!

– Вы о ком, о Кире, что ли? – Юсси Вильевич заметно приуныл. – Согласен, переборщили немного. Завадская разошлась. Но, поймите, это, так сказать, превентивная мера. –

Он вдруг перешел на почти интимный тон: — Я понимаю... Кира вам дорога... Вы с ней были, так сказать... Дружили... Но факты...

— Какие еще факты? — взревел Кошкин. — Вранье на вранье, и еще клевета...

— Вранье на вранье, и еще клевета? — переспросил Тукс и снова указал на дверь: — В суд! Только в суд!

— Вы навредили следствию — раз, — Виктор загнул палец. — Вы опорочили и оклеветали человека, с которым проработали вместе много лет, а это подлость. Два! Наконец, вы просто переврали факты — три!

— Три? — Редактор ослабил галстук и расстегнул ворот рубашки. — Теперь давайте мои пальчики посчитаем. — Он растопырил пятерню. — Кира завалила журналистское расследование — раз! Попала в гнусную, отвратительную историю — два! Бросила тень на своих товарищей и на всю газету — три! У издания упал рейтинг — четыре! Если бы я не опередил писак из других средств массовой информации, нам бы просто пришел конец — пять! — Юсси Вильевич прищурился. — Достаточно? Это я еще не вспоминаю про ее былые «заслуги»! Про остров Хойту, например, и про убытки, которые мы понесли после выхода той публикации.

Виктор поднялся из-за стола.

— Я не знаю, будет ли на вас подавать в суд Кира, — это было бы хорошо, потому что она выиграет дело! — а я лично буду жаловаться своему руководству и в прокуратуру. Вы

одним росчерком пера свели на нет всю работу следствия! – Он направился к двери.

Тукс бросился за ним.

– Очень странно это слышать, това... молодой человек!

Вы же сами меня просили потопить Киру...

Виктор остановился как вкопанный.

– Я?!

– Ну, не вы, – редактор пожал плечами. – Из вашего ведомства.

Кошкин незамедлительно вернулся на место.

– Вот с этого момента – поподробнее, – скомандовал он. – Что значит – потопить?

– Ну... – Юсси Вильевич развел руками. – Сначала просили, чтобы я поручил ей это расследование. Я поручил. Потом, когда выяснилось, что она... Того...

– Что – того? – раздраженно спросил Виктор.

– Ну, что она замешана в убийствах...

– Вам это тоже в нашем ведомстве сказали? – Он постучал пальцами по столу.

– Разумеется! – расширил глаза Тукс. – А потом Кира сама подтвердила, мол, неприятности у нее в прокуратуре... Подозревают ее...

– Она искала у вас поддержку, – вздохнул Виктор. – Или хотя бы сочувствие! А вы...

– А мы, – подхватил редактор, – были расстроены! Даже очень! Но в вашем ведомстве нам опять посоветовали дер-

жать себя в руках и быть на коне.

– Это как?

– Посоветовали опередить конкурентов и потопить журналистку. Ей, мол, все равно конец. – Тукс покашлял в кулак. – Старый испытанный метод: бей своих, чтоб чужие боялись.

Кошкин задумался.

– А кто конкретно из нашего ведомства вам предложил этот испытанный метод? – поинтересовался он.

Редактор погрозил ему пальцем.

– Все вам скажи! Один сотрудник высокого ранга...

– Вы с ним лично беседовали? – небрежно спросил Виктор. – Или по телефону?

– Конечно, лично! – ответил Юсси Вильевич тоном, словно ему задали вопрос: «Вы разбираетесь в журналистике?» – Он и удостоверение показал. Все как положено.

– Удостоверение нашего Управления? – уточнил Кошкин. – Вот такое? – Он вынул из нагрудного кармана красную корочку.

– Почти, – кокетливо улыбнулся Тукс.

– Что значит – почти? – нахмурился Виктор. – Или да, или нет.

– В удостоверении было написано, – редактор поднял глаза к потолку, словно там крылась шпаргалка, – Главное управление...

– Внутренних дел? – машинально закончил Кошкин.

– Исполнения наказаний, – поправил Тукс.

Виктор вытаращился на редактора.

– ГУИН? К вам приходил человек из ГУИНа?

– Да, – торжественно кивнул Юсси Вильевич. – Вот видите: я вам и так много рассказал. Только из уважения...

Ошеломленный Кошкин поднялся из-за стола.

– Если что-то понадобится еще, – торопливо добавил редактор, – какая-нибудь информация... Приходите, не стесняйтесь. Всегда буду рад помочь.

Дверь за Виктором не успела закрыться, как распахнулась снова.

– Здравствуйте. – В кабинет, прихрамывая, вошел совершенно седой человек в дорогом черном костюме. Манжеты белой накрахмаленной рубашки выглядывали из-под рукавов, и Тукс обратил внимание на крупные золотые запонки. В руках незнакомец держал изящную трость. – Я к вам по делу...

Редактор хлопнул ладонью по столу.

– Когда-нибудь, хотя бы для вида, у нас появится в приемной секретарша или нет? – заорал он.

Человек замер на пороге.

– Возможно, я не вовремя, – сказал он с заметным акцентом и почему-то оглядываясь. – Но мне бы хотелось побеседовать с вами, господин... – он сверился с визиткой, – господин Тукс.

– О чем? – нетерпеливо спросил тот. – Только не говорите, что о журналистке по имени Кира!

– Именно о ней, – вошедший удивленно поднял брови. – Видите ли, когда-то она написала статью про остров Хойту...

Редактор разразился страшным хохотом.

– А вчера, – продолжал незнакомец, немного тушуясь от странного поведения собеседника, – я узнал, что у нее неприятности...

– Вы из милиции? – сотрясаясь от смеха, спросил Тукс. – Погодите, не отвечайте, я угадаю! Вы – зэк! Расстегните рубашку, у вас имеются купола?

– Простите? – не понял вошедший.

– А! – не унимался редактор. – Вы кладоискатель!

– Я в некотором смысле – ваш коллега, – внес ясность мужчина. – Работаю в издательстве High too. Моя фамилия Голд. Эндрю Голд.

– Ничем вам не могу помочь, коллега. – Тукс перестал смеяться. – Информацию о наших сотрудниках, даже бывших, мы не даем. Всего хорошего.

Седой учтиво поклонился и, прихрамывая, вышел из кабинета.

В приемной он задержался, размышляя, не вернуться ли и не предложить ли без обиняков редактору деньги, но передумал и направился в коридор.

У торцевого окна, облокотившись на подоконник, стоял Айвар Ляомяэ и лениво попыхивал сигаретой. Завидев

необычного субъекта в шикарном костюме и с тростью, он выпрямился и на всякий случай приветливо кивнул. Незнакомец воспринял этот знак как желание пообщаться и, подойдя поближе, тоже облокотился на подоконник.

– Я говорю: костюм у вас классный, – зачем-то пояснил Айвар.

– Пошит в Лондоне, – охотно ответил мужчина с едва заметным акцентом. – У мастера по фамилии Геймер.

– Полосатенький! – оценил с улыбкой Ляомая. – Люблю костюмы в полоску.

– Полосатые костюмы – моя слабость, – седой задумался. – Я одно время только в них и ходил. Скажите... – он положил трость на подоконник, – вы работаете в этой редакции?

– А то! – подтвердил Айвар. – Я – специальный корреспондент.

– И знаете журналистку по имени Кира? – незнакомец пытливо заглянул ему в глаза.

– Кто же не знает старушку Киру! – ухмыльнулся тот.

– Давайте так, – седой оживился. – Я вам плачу триста долларов, а вы мне рассказываете про нее все, что знаете.

– А вы кто? – Айвар потушил сигарету и смерил незнакомца взглядом. – Дальний родственник, что ли?

– Я работаю в одном британском издательстве, – объяснил мужчина. – И готовлю книгу про остров Хойту. Моя фамилия Голд.

– Во-он что, – протянул Ляомаяэ. – Тогда понятно. Значит, Кирочка имеет шанс попасть на страницы лондонской прессы? Это справедливо. У нас-то она уже прославилась! – И он подмигнул.

– У нее неприятности? – уточнил седой. – Из-за острова?

– Из-за здоровья. – Айвар оскалился. – У Киры началось головокружение от успехов.

– В газете написано, что она убила человека, – незнакомец покачал головой. – Просто так, из-за рейтинга. Как такое возможно?

– У нее все возможно, – махнул рукой спецкор. – Самовлюбленная девица, ничего собой не представляющая, но с огромным апломбом, она всегда была темной лошадкой. Нахапала бабла, купила квартиру, а запросы все растут и растут. Ну, попробовала кормить читателей жареными утками, а те оказались с тухлятиной. Дальше – хуже. Вступила в сговор с кинопрокатом, чтобы тот делился барышами, а взамен собиралась устроить скандалчик, переделась героиней фильма – то ли баронессой, то ли царицей, а может, просто «синим чулком», подкараулила мужика, который вышел из кинотеатра, и... грохнула. Скорее всего, она хотела только попугать, жути нагнать, а тот, не будь дураком, стал сопротивляться, звать на помощь. Кира видит, что далеко зашла, ну и... – Айвар цокнул языком, – прикончила. Думала, с рук сойдет. Но остался свидетель. Какой-то пацан выгуливал овчарку. Смотрит: мужик кровью истекает, ну и пустил соба-

ку по следу. Та и привела оперативников прямо к Кирочке в теплую постельку. Кстати, о постельке... Она и замуж-то вышла за какого-то клопа. Вот такого роста, – Айвар ткнул себя в плечо. – Полное ничтожество. Сидел дома и безропотно отстирывал окровавленные перчатки, когда жена возвращалась с очередного «дела».

– Мда-а... – протянул седой. – Слишком глупо, чтобы быть похожим на правду.

– Да это лишь десятая часть всей правды! – с жаром воскликнул спецкор. – Хотите, я вам про ее личную жизнь расскажу?

– Не стоит, – вздохнул незнакомец и полез в карман за бумажником. – Достаточно... Очень и очень жаль... Знаете, – он отсчитал купюры и протянул Айвару, – я заплатил бы вдвое больше, если бы все оказалось неправдой.

– Да? – тот закусил губу. Знай он об этом раньше, его рассказ изобилдовал бы сейчас совсем другими подробностями. – А про Завадскую хотите что-нибудь услышать?..

На выходе из редакции прихрамывающего мужчину оставил Кошкин.

– Я вас видел в приемной, – заявил он, демонстрируя красную книжицу. – А потом – с Айваром у окна. Вы журналист?

– В некотором смысле – да, – с достоинством поклонился тот. – Я писатель.

– Еще один! – ухмыльнулся Виктор. – И поэт, наверно?

– Нет, стихи – не по моей части, – седой покачал головой. – А вы не любите поэтов?

– Терпеть не могу, – признался Виктор. – Особенно современных.

– Бывает, – посочувствовал тот. – Теперь, когда вы знаете, что я не поэт, у вас больше нет вопросов?

Кошкин перестал ухмыляться.

– Вы интересуетесь Кирой? – мрачно спросил он.

– Да, интересуюсь, – спокойно подтвердил мужчина. – А вы занимаетесь расследованием ее дела?

Виктор не ответил. Он, казалось, что-то обдумывал.

– Она действительно убила человека? – снова поинтересовался седой.

– Знаете, что... – Кошкин посмотрел на часы. – Уделите мне двадцать минут вашего времени.

Кира не могла найти себе место. Она бродила по квартире в полном отчаянии, двигала с места на место предметы на столе, пробовала принять душ, чтобы успокоиться, даже глотнула водки – ничего не помогало. Слезы душили ее, ноги сделались ватными, а сердце разрывалось от боли.

Как они могли! Люди, с которыми она проработала бок о бок, плечом к плечу семь лет, не просто отвернулись – они завязали потуже узел веревки на ее шее, они поспешно забросали землей яму, в которую она оступилась в темноте! Ей не верит никто: ни следователь, ни Виктор, ни коллеги.

Она угодила в ловушку, расставленную глупыми и жуткими обстоятельствами. А может быть, не обстоятельствами, а... ее матерью? Может быть, прав отец, и все происходящее – знак, надрывный императив, зовущий ее сделать то, о чем она пока даже не помышляет? Неужели поездка на остров – волшебное лекарство от боли и бед, а клубок невысказанных катаклизмов распутывается одним только шагом на каменный берег?

Она остановилась перед фотографией матери. Печальный взгляд – и ничего больше! Ни намека, ни подсказки, ни сострадания...

– Мне плохо, мама... – прошептала Кира. – Помоги мне! Как понять тебя? Как расшифровать хитрую и жестокую вязь трагедий, которые, кажется, связаны с тобой? – Она тяжело опустилась на стул.

Ответа не было. Холодная тишина висела в комнате, и лишь неугомонный ветер тормозил занавески на открытом окне. Кире вдруг почудилось, что она замерзает. Ледяная волна, как предчувствие, плеснула из сердца и разлилась по всему телу. Она с удивлением посмотрела на свои дрожащие ладони, на покрытые гусиной кожей колени и испугалась: это – озноб! Предвестник лихорадки или другой болезни. Если через мгновение остановится сердце – она будет избавлена от мук, но так навсегда и останется в памяти людей убийцей, кровожадным монстром, бездушной и циничной авантюристкой.

Стуча зубами, Кира вскочила со стула, бросилась к окну и с силой его захлопнула. В ту же секунду магнитная пластинка, держащая на весу декоративный экран батареи парового отопления, отскочила, и он рухнул на пол с одного бока, придавив Кире ногу.

Зажмурившись от боли, она присела на корточки и... замерла. Плоский целлофановый пакет с вещами, втиснутый между экраном и батареей, выглядел здесь столь же нелепо, сколь и пугающе. Кире, даже если бы захотелось что-то спрятать, никогда не пришло бы в голову отдирать экран. Она даже не знала, что он крепится на магнитах!

Дрожа то ли от озноба, то ли от волнения, она вынула пакет и вытряхнула на пол содержимое. Словно бомба, взорвавшаяся у нее в голове, глухо стукнул о паркетную доску пистолет. Прямо на него из пакета посыпались вещи – такие знакомые и такие... страшные. Белое домотканое платье и черная полушерстяная накидка.

Кира поняла, что вот-вот лишится чувств. В глазах померк дневной свет, льющийся из окна, а дыхание перехватило железной, чудовищной хваткой мгновенного ужаса. Она сидела на полу, дико таращась на свою находку, и беззвучно шевелила губами.

– Что ты делаешь? – раздался голос над головой, и Кира вздрогнула так, что чуть не потеряла равновесие.

Неизвестно откуда выросший за спиной отец с тревогой наблюдал за происходящим.

– Что с тобой, дочка? Почему ты на полу? – Он присел рядом и поднял накидку. – Откуда это у тебя?

– Папка... – прошептала она. – Это – самое ужасное, что могло произойти за последние два дня...

Но тот, казалось, ее не слышал. Он в изумлении рассматривал накидку и платье, словно Золушка, которой приготовили бальный наряд.

– Мамины вещи... Невероятно...

– Здесь еще одна... вещь, – Кира пальцем, словно боясь обжечься, подвинула ему пистолет.

– «Вальтер»! – ахнул отец. – Я, наверно, сплю...

– Значит, мы спим вместе, – хрипло сказала девушка. – И это – дурной сон, папка...

Он, моргая, смотрел на дочь, а она – на него.

– Что делать? – спросила Кира. – Эти вещи были спрятаны за батареей, и спрятаны *кем-то*! – она сделала ударение на последних словах. – Сами собой они появиться не могли. А тем более – в таком прагматичном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.